

Накануне Праздника Победы

СТИХИ НА БАРЕЛЬЕФАХ У входа в парк Победы, на проспекте имени И. В. Сталина, стоят шесть отличных из бронзы барельефов. Они посвящены труду и победе советского народа в Отечественной войне и городам-героям. Сделаны барельефы молодыми скульпторами, выпускниками Высшего художественно-промышленного училища имени В. Мухоморова, при участии архитектора В. Кирхгофана.

Постаменты барельефов решили украсить стихотворными надписями. Скульпторы обратились в комиссию по военно-художественной литературе местного отделения ССП. Составление надписей было поручено группе поэтов. Вот одно из четверостиший, предложенных ими для барельефа, посвященного Победе:

Мы победили тем, что мы едины.
Мы вновь идем уверенно вперед:
Путем побед нас партия ведет,
Мы с ней сильны и с ней непобедимы!

А вот стихи для барельефа, посвященного людям труда:

Они для битвы оружие ковали,
Так пусть же сохраняется навсегда
В сердцах людей, в граните и в металле
Черты героев армии труда.

Остальные четыре четверостишия посвящены городам-героям — Ленинграду, Сталинграду, Севастополю и Одессе.

ЛЕНИНГРАД. (Наш корр.)

В СТАЛИНГРАДЕ В северной части Сталинграда возвышается Мамаев курган. Мамаев курган вошел в историю, как место ожесточенных боев осенью 1942 года.

С тех пор минуло около двенадцати лет. С Мамаева кургана хорошо видны окрестности Сталинграда. Поднялся из руин, похоронен за послевоенные годы великий город. Куда ни кинешь взгляд, — повсюду дымящиеся трубы восстановленных заводов, красивые многоэтажные жилые и административные здания, зеленые парки и сады. Лишь у самого берега Волги сохранилось одно высокое кирпичное здание, тяжело ираненное минами и снарядами. Это исторический завод-завод, памятник великого сражения.

Сталинградцы отмечают Праздник Победы под лозунгами: «Мир миру», «Все силы на укрепление мира». На предприятиях, в учреждениях, учебных заведениях проходят беседы и доклады, посвященные этой знаменательной дате. В библиотеках города и области проводятся читательские конференции по книгам, в которых описываются события Отечественной войны.

Оживленно в эти дни на Мамаевом кургане. Памятное место посещают учащиеся, рабочие, зарубежные гости Сталинграда. Девятого мая здесь зажжется пионерский костер, посвященный Празднику Победы.

У подножья Мамаева кургана будет разбит большой городской парк культуры и отдыха.

СТАЛИНГРАД. (Наш корр.)

НА ПЕРЕДНЕМ КРАЕ 9 мая 1945 года, когда заместитель командира танкового батальона капитан Г. Мирончук вместе с однополчанами отмечал Праздник Победы, Николаю Безвизуенко и Сергею Кириленко было всего лишь по 15 лет. А сегодня и Николай и Сергей отмечают Праздник Победы наряду с ветеранами Великой Отечественной войны почти как равные. Они отслужили уже действительную службу в Советской Армии и проходили сенью были уволены в запас. Сейчас они работают в Первой Макарской МТС: капитан запаса Г. Мирончук — директором, бывший командир танка, старший сержант запаса Н. Безвизуенко — участковым механиком, бывший минер, сержант запаса С. Кириленко — слесарем.

Немало людей, работающих в Макарской МТС, до сих пор носят военную форму, только без погон и звездочек. Это бывшие фронтовики, прошедшие нелегкий путь от июня 1941 года до Праздника Победы, и молодые ребята, отслужившие свой срок в армии и продолжающие ныне «действительную службу» в сельском хозяйстве. Служба в армии не прошла для них даром. В 1950 году Виталий Зубар был простым ездовым в колхозе. В армии он закончил курсы водителей, вступил в комсомол, — и уже на третий день после увольнения в запас начал работать в Макарской МТС шофером. После возвращения из армии солдат бронетанкового полка Сергей Бобок начал работать здесь трактористом, сержант авиации Владимир Солоненко — радиотехником, младший сержант Лев Бестужев — автомехаником.

Из пятсот работников Макарской МТС около трехсот служили в Советской Армии. Праздник Победы встречают они на переднем крае трудового фронта.

Первая Макарская МТС, Макарский район, Киевская область. (Наш корр.)

ОГНИ ОДЕССЫ Защитники Одессы в годы Отечественной войны обессмертили себя самоотверженными подвигами. Труженики Одессы в мирные дни умоляют славу города-героя отличной работой. Станки высокой точности, холодильные машины, самоходные краны, консервы, мебель, самые различные механизмы, оборудование выпускают одесские фабрики и заводы.

Более тридцати тысяч студентов занимается в вузах и техникумах Одессы; вместе со своими советскими друзьями учатся молодежь стран народной демократии. Успешно овладевают знаниями поляк Андрей Гловацкий, чех Александр Госман, албанец Субла Дедели и многие другие.

Гастели в честь воссоединения Украины с Россией вечно жива в Одессе Сталинградский драматический театр имени Горького. В Сталинграде выступает Одесский драматический театр имени Октябрьской революции. Демонстрация творческих достижений театральных коллективов городов-героев являлась одним из многих свидетельств дружбы двух великих народов...

Далеко светят огни Одессы, за много миль видят их в море корабли. Город-герой живет мирной трудовой жизнью. ОДЕССА. (По телеграфу)

Первый вечер декады

КИЕВ. (Наш корр.) Торжественным вечером открылась в Киеве декада русской литературы и искусства, посвященная 300-летию воссоединения Украины с Россией.

Словом привет дорогим гостям открыл встречу председатель правления Союза советских писателей Украины Микола Бажан.

— Декада русской литературы в Киеве, — сказал он, — является светлым праздником нашей любви и благодарности великому русскому народу, с его неисчерпаемым богатством культуры, благотворное влияние которой всегда помогало и помогает развитию культуры украинского народа и всех народов нашей страны. Это влияние стало еще более глубоким и благотворным в условиях могучего содружества социалистических наций, в условиях советского государственного строя.

Со вступительным словом выступил первый секретарь правления Союза советских писателей СССР А. Сурков. Он говорил об общности русской и украинской культуры, взаимосвязи литературы двух братских народов. В заключение А. Сурков на украинском языке провозгласил здравницу в честь великого советского народа, в честь дружбы народов, Коммунистической партии, горячо любимой советской Родины.

Со сцены театра имени Тараса Шевченка выступили с приветственными речами и чтецами своих произведений К. Симоненко, Н. Тихонов, М. Исаковский, Б. Полевой, С. Шпиллер, С. Антонов, С. Гирсанов, В. Кетлицкая, А. Безыменский, С. Смирнов, К. Ваншенкин. Перед собравшимися прозвучали и стихи военных лет, когда в одном боевом строю сражались представители братских народов Советского Союза, и писательские веча, думы о вчерашнем и сегодняшнем днях, мечты о будущем.

Литераторов сменяют мастера искусств. Отрывок из поэмы В. Маяковского «Владимир Ильич Ленин» прочитал заслуженный артист РСФСР С. Балашов. С успехом выступили лауреаты международных конкурсов — скрипачка Н. Школьник и пианист Е. Малинин. Большой театр СССР был представлен в этом концерте певцами — народными артистами СССР И. Козловским, М. Рейзеном, народной артисткой РСФСР Н. Шпиллер, заслуженной артисткой РСФСР В. Фирсовой и мастерами балета — народной артисткой СССР О. Лещинской и заслуженным артистом РСФСР и УССР В. Преображенским. Изысканно и легкостью вело от выступления самых молодых участников концерта — учеников Московского хореографического училища Э. Л. Бринчиной и Владимира Голубина. Большим мастерством и высокой исполнительской культурой были отмечены выступления замечательных хоровых и танцевальных коллективов: Государственного русского народного хора имени Пятницкого и Краснознаменного имени А. В. Александрова ансамбля песни и пляски Советской Армии. В числе исполненных ими произведений были украинские песни. Ансамбль имени А. В. Александрова впервые показал специально подготовленную к празднику 300-летия воссоединения Украины с Россией танцевальную картину «Праздник великой дружбы».

Выступление участников концерта, которым открылась декада русского искусства и литературы в Киеве, были тепло встречены общественностью столицы Украины.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОБИРАЮТСЯ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 55 (3239)

Суббота, 8 мая 1954 г.

Цена 40 коп.

Образ непобедимого народа

Есть дни, полные глубокого смысла и значения, память о которых никогда не угаснет в народе. Таков незабываемый день 9 мая — великий Праздник Победы, одержанной Советской державой над теми силами фашизма. Каждый советский человек с волнением вспоминает день окончания Великой Отечественной войны за свободу и независимость нашей Родины. В памяти героев фронта и тыла — воинов, прошедших по трудным фронтовым дорогам, женщин, перенесших на своих плечах тяготы войны, детей, выдержавших первые недетские испытания, — встают незабываемые эпизоды военных лет. И сейчас, спустя девять лет после Великой Отечественной войны, с особенным волнением раскрываем страницы книг, отразивших ее героические события и запечатлевших образы ее героев.

Трудно переоценить заслугу нашей литературы в деле приобщения народа к титанической борьбе Советской Армии на тысячечерном фронте. Прежде чем поведать о событиях, литература наша сама прошла по всем дорогам войны. Взять хотя бы Сталинградскую эпопею. Разве подлинный образ ее, запечатленный в нашей памяти и сердце, предстал нам не со страниц книг наших писателей-фронтовиков? Разве не литература наша неустанно комментировала «живыми образами» деловую, лагуническую прему Информбюро, позволил нам день за днем, час за часом с душевным трепетом следить за живым ходом победоносной борьбы героев Сталинграда? И надо ли говорить о воспитательнопатриотическом значении этого писательского, художнического труда, равно для тыла и для фронта?

Это своеобразная особенность именно нашей, советской художественной литературы. Такого массового подхода литературе — всей литературе великой страны — на поля битв не знала история войн. «Военный корреспондент» буржуазных газет, этот, за редким исключением, прожженный журналист, лопец новостей, пронырливый завсегдатей штабов, стремившийся первым ухватить для своей редакции последнюю кровавую сенсацию, явление глубоко чуждое и враждебное трудовому народу. Советские писатели и журналисты были тружениками войны, они делили с Советской Армией ее боевую струю, они жили заодно с вооруженным народом, сражались с врагом и вынужденной и оружием пера. Да и могло ли быть иначе? Ведь наша литература — плоть от плоти народной!

В патриотический поход нашей литературы вступили писатели всех поколений, всех народов Советского Союза; все литературные жанры поступили на вооружение народа в великой исторической борьбе. Недавно Воинович выпустил в двух томах примечательный сборник «Советский военный рассказ». Это, конечно, счастливая мысль: собрать воедино лучшие советские рассказы на военную тему, еще раз обнаружить бесценное богатство, скопленное нашей художественной литературой за три десятилетия, и прежде и важнее всего за годы Великой Отечественной войны. В двух полновесных томах представлены десятки авторов: своеобразные и сила советского военного рассказа выступают здесь с неоспоримой убедительностью. Лишь малая часть написанного во время войны вошла в объемистый сборник, но и этого достаточно, чтобы составить представление о размахе работы советских писателей. Здесь мы видим и писателя старшего поколения, таких, как А. Толстой, А. Новиков-

Прибыло, П. Павленко, И. Эренбург, Н. Тихонов, Ф. Гладков, В. Бахметьев, К. Паустовский, Б. Лавренев, В. Иванов, В. Катаев, Л. Соболев, В. Инбер, и молодых литераторов, сделавших во время войны свои первые шаги в литературе, как С. Антонов, Г. Николаев, Е. Воробьев, В. Кочетов... Здесь мы видим рассказы, написанные представителями многих братских литератур, — Виллиса Лапса, Аугуста Якобсона, Абдулхамма Абсаламова, Михаила Лынькова, Андрея Головки, Юрия Яновского, Олеса Гончара, Петра Цирки, Арвида Григулдиса, Антанаса Венцловы.

Отечественная война с небывалой щедростью раскрыла перед нашими писателями духовные сокровища, накопленные народом за века исторического развития, и, в особенности, за десятилетия, когда народ сознательно и последовательно создал и укрепил свое социалистическое государство и запечатлевших образы ее героев. Бесценный опыт, приобретенный нами за годы Отечественной войны, еще долго и долго будет питать «живой водой» нашу литературу, если только сами мы, писатели, удержимся на той высоте, на какую подняло нас наше славное время...

Когда прочитаешь — рассказ за рассказом — оба тома сборника, то убеждаешься с полной очевидностью: есть глубокая закономерность в том, что именно мы, советские люди, спасли Европу и весь мир от германского фашизма. Как раз это и есть внутренняя тема каждого рассказа.

В этом — как бы силой художественного предвидения — убеждает давний, еще довоенный рассказ Сергея Диковского, талантливо, безвремено умершего писателя, — «Командант птвичего острова». Советский юноша, военный моряк, самый естественный образ, — в рассказе нет ни малейшей натяжки, — попадает в необычное положение: он один против семи врагов, на пустынный остров. Стоит ему на мгновение забыть в сне, — и он погиб. Но главное, тем самым преступил он свой воинский долг. И он выходит победителем из этого чудовищного единоборства с голодом, с бесоньем, с врагами, следящими за каждым его движением.

Он отнюдь не чудо-богатырь, этот непризнанный ранее «ученик моториста» Косицын. Просто случилось так, что жизнь, Родина предъявила к нему, рядовому советскому гражданину, высокие требования, и тогда обнаружилось, какого высокого он человека, какой сильной и смелой души человек.

Таковы и герои ряда других рассказов — отважные советские патриоты, посвятившие всю свою жизнь укреплению и возвышению любимой Родины.

Такова девушка-партизанка из чудесного рассказа Твардовского «Костя». Было бы титно передавать содержание этого рассказа, полного редкой поэтической прелести. Его надо прочитать: в нем каждая фраза весома, как драгоценная стихотворная строка.

Таковы и три солдата из одноименного рассказа Андрея Платонова. Попав в трудное, смертельно-опасное положение, они не теряются, напротив, они находят новую силу в себе, и побеждают врага.

Читая военные рассказы, отчетливо ощущаешь преемственность героических традиций Советской Армии и советского народа. Если во втором томе перед нами раскрываются эпизоды Великой Отечественной войны, то в первом томе мы с волнением обращаемся к далекому, но незабываемым событиям войны гражданской. Здесь встречаем мы имена писателей, которые в те давние славные годы шли с винтовкой в руках защищать молодую рес-

публику от злобного натиска четырнадцати вражеских держав. Здесь мы видим рассказы бесценного корреспондента «Правды» А. Серафимовича, участника дальневосточной партизанской борьбы А. Фадеева, юного бойца Аркадия Гайдара, комиссара Чапаевской дивизии Дмитрия Фурманова, славного воина Владимира Станского, смелого моряка Всеволода Вишневского, писателей, пришедших в литературу в первые годы революции, как М. Шолохов...

Да, не случайно выиграли мы войну. Мы обязаны этим нашей исторической биографии, той великой школе воспитания, которую прошли после Октября. Это исторический путь не только народа в целом, но и каждого отдельного советского человека. Именно поэтому так глубоко и многогранен его характер. Постигание, раскрытие этой глубины — всякий раз, в каждом отдельном герое, по-новому — такова задача писателя, ищущего в частном — общее, в кажущейся случайности — типическое.

Советские писатели обучались «военной теме» на фронте, под огнем, и это оказалось отличным «методом» обучения. Правда, в нашей литературе и до Отечественной войны имелся сильный «оборонный» отряд, но сложность современной войны, реальную напряженность боя многие писатели еще тогда не представляли. И если иные рассказы сборника можно упрекнуть в поверхностности, в художественной слабости, то в знании «военной темы», в неумении передать обстановку, в обходе действительных трудностей упрекнуть их авторов нельзя.

Характерная, разительная черта советского военного рассказа и всей нашей военно-художественной литературы — это величайшая любовь к людям, подлинный советский гуманизм. Наше сознание не мирится, не желает мириться с тем, что мелочное, сложное, величавое сознание человеческого существа внезапно прерывается коротким, тупым ударом, бессмысленно уничтожающим самое прекрасное, что только есть на земле. Вот почему в каждом рассказе сборника звучит этот лейтмотив: мы бьем, беспощадно бьем врага, дерзнувшего посягнуть на нашу Родину, и будем бить впрямь, — но наша цель: убить самую войну, сделать ее невозможной на земле. Это не декларация, это самое существо нашей военно-художественной литературы. И когда дочитываешь последнюю страницу этой книги о войне, невольно говоришь себе: я прочел глубоко человеческую книгу...

Как жаль, что наши литературоведы не уделяют почти никакого внимания интереснейшему вопросу об особенностях нашей военно-художественной литературы, ее резкому отлучению от буржуазной литературы Запада и Америки!

Нельзя сказать, что все рассказы сборника «Советский военный рассказ» отобраны удачно. Есть рассказы, уже отжившие свою жизнь на страницах газет и журналов, и не к чему было их воскрешать. Есть и очерки со всеми характерными особенностями, присущими этому жанру, и не к чему было называть их рассказами. Но большинство рассказов живет на страницах сборника новой, полнокровной жизнью, они не только не утратили своей силы, но время сообразно им какое-то новое, дополнительное качество...

И читатель с волнением вглядывается в тот знакомый образ, который создан усилиями многих советских писателей, — патриотический образ великого непобедимого народа.

Ю. НАГИБИН

ПЕРЕЛИСТЫВАЯ СТАРЫЕ КОМПЛЕКТЫ...

Английский журнал о баодавском режиме

В одной злободневной французской пьеске в списке действующих лиц значится некий император Бирюлька.

Император Бирюлька! — подвизается сиих? Впрочем, читатель, наверное, тут же догадался: речь идет о марionеточном «императоре» Бао Дая и его эфемерном «государстве»...

Если поверить напыщенному заявлению одного из его министров, сделанному 6 мая этого года в Женеве, его величество Бао Дай «является воплощением Вьетнама», а последний, в свою очередь, — независимой страной, выступающей на равной ноге с другими государствами в международных делах.

Конечно, чего проще, — заявлять на словах о независимости баодавского «государства». Но, во-первых, все-то «государство» — это какие-нибудь десять процентов территории Вьетнама. Во-вторых, даже эти десять процентов территории полностью оккупированы французскими войсками. В-третьих... Впрочем, будем говорить по порядку.

Когда после второй мировой войны французские колонизаторы извели Бао Дая из политического небытия и посадили на трон, они потребовали от него не благодарности — беспресловенного повиновения. Бумажная корона и картонный скипетр сделались символами его призрачной власти. Называть его стали по-разному: то «его величеством», то «главой государства». Существовало дело от этого, однако, не менялось: усидеть во Вьетнаме без поддержки иностранных штыков он не мог.

В последние дни «государство» Бао Дая фигурирует в списке участников проектируемого американской дипломатией «пакта для Юго-Восточной Азии». Вот почему западная дипломатия и подчиняющаяся ее приказам пресса из кожи лезут, пытаются изобразить баодавский Вьетнам вполне полноправным «партнером». Но кому же не известно, что баодавский Вьетнам контролируется властями, находящимися в прямой зависимости от колониальных держав?

На этот счет в буржуазной прессе на Западе и год, и два, и три года назад появлялись статьи, в общих чертах, да и в деталях, рисовавшие карикатурную «независимость» Бао Дая.

Сейчас кое-кому на Западе об этом вспоминать не очень-то выгодно. Но недаром говорится: что написано пером, того не вырубишь топором, — в комплектах газет и журналов подобные признания сохранились. К ним, на наш взгляд, относится статья, опубликованная буржуазным английским журналом «Twentieth century» в июле 1952 года. Мы разыскали этот номер журнала и прочитали помещенную в нем статью. Она называется «Франция и Вьетнам». Ее автор — некий Деррик Сингтон.

Коснувшись маневров французских колониальных властей, выразившихся в предоставлении «независимости» Бао Дая, Сингтон уже в третьем абзаце своей статьи делает следующее ценное признание: «Независимость» в рамках Французского союза была предложена Бао Дая. Но сейчас большинство вьетнамских националистов считает, что эта формула — пустые слова, которые употребляются, чтобы замаскировать сохранение колониального статуса».

Далее автор задает вопрос: «Насколько оправдано такое предположение? Оказывается, на все сто процентов. Это видно из дальнейшего описания: «Действительными господами в деревнях Индо-Китая, используемых в качестве военных баз, являются французские командиры, квартирмейстеры и адъютанты. А за линией фронта широко разветвленная сеть французской полиции безопасности является настоящей высшей властью, опирающейся на французскую армию... Как в экономической, так и в военной области печальная действительность существующих во Вьетнаме условий превращает в пустое притворство такие слова, как «спартнерство», «равенство» и «независимость»...

Как видно, о положении дел в баодавском Вьетнаме английский журнал писал, не стесняясь и довольно откровенно: «Политический дух во Вьетнаме определяется в настоящее время больше всего тем фактом, что «национальные вожди», возглавляемые Бао Даем, не внушают уверенности в том, что они в состоянии добиться реальной независимости... (Бао Дай и его клика не ставили и не ставят себе такой задачи. — Лит.). Большинство из них принадлежат к кругу кохинчинских чиновников, которые до войны были весьма тесно связаны с колониальными французскими властями... Уничтожить старые укоренившиеся привычки французских администраторов в Сайгоне оказалось слишком трудно; даже после предоставления «независимости» французы настаивают на том, чтобы списки министров предварительно представлялись им на просмотр, в результате в правительстве по-прежнему только люди, которые считались бы «благонадежными» в период расцвета колониальной владычества».

В статье приводится характеристика одного из членов баодавской клики — тогдашнего «премьер-министра» Нгуен Ван Тама: «Двадцать лет тому назад он был начальником провинции во французской колониальной администрации и руководил подавлением восстания своих соотечественников в Кохинчине в 1930 и 1940 гг... он представляет собой прежде всего и главным образом полицейского чиновника, прошедшего французскую школу и достаточно бесовского; за последние время его имя связывалось с подавлением профсоюзных и студенческих беспорядков применением методов «третьей степени»... В Индо-Китае часто задают себе вопрос, использует ли он свою власть, что-нибудь иное, кроме полного превращения Вьетнама в полицейское государство».

А что изменилось с тех пор? Появились всего лишь новые фиговые листочки, демонстрирующие «независимость» Бао Дая и маскирующие продолжение колониальной кабалы. Да в отличие от тогдашнего, нынешний «премьер-министр» — принц Буу Лок — имеет в своей биографии такой много говорящий штрих: по сообщению демократического вьетнамского радио, в годы второй мировой войны, находясь во Франции, он «сотрудничал с петровским режимом в Виши, а позднее работал диктором на радиостанции у немецко-фашистских оккупантов».

В разное время Бао Дая играли разные хозяева: сначала французские колонизаторы, теперь — все больше американские дипломаты. Не случайно поэтому в день открытия Женевского совещания французская газета «Монд» писала о «равнении Бао Дая на позицию США». В конечном счете, подчеркивал автор редакционной статьи в «Монд», это приведет его в один ряд с Чан Кайши, Ли Сянь-мао и Подполковника компания! И роль Бао Дая отводится такая же, что и Ли Сянь-мао: воинственность и «непримиримость» всечески тормозить урегулирование индокитайского вопроса и ставить палки в колеса на пути всех усилий миролюбивых держав в этом направлении.

ЛИТЕРАТОР

ПОНИМЕМСЯ на гору Петрижи, господствующую над Прагой, на самую вершину ее, где играет детвора, звенит птичий щебет в кустах, где цветут кущи алых тюльпанов, и посмотрим виаду. Уже встало из-за увалов солнце, и в лучах его — весь город. Волю раскинулся он на грядках холмов и словно стремится в неоглядную ширь, вздымаясь с волны на волну. Свою столицу народ назвал Золотой и Сдобанной. И подлинно, хороша Прага.

Если весна ранняя, то в это время уже благоухает сирень. Так было девять лет назад, в незабываемый для Праги день.

Вот он вилу под нами — первый советский танк, вступивший в Прагу 9 мая 1945 года. Кажется, шагнешь с Петрижи — и ступишь на площадь в постаменте, на котором навек водружен этот танк, принадлежащий славной армии, которая спасла красавицу Прагу от фашистских злодеев. И навечно вырезаны на постаменте имена героев — советских танкистов, вавших здесь во имя мира, во имя цветения жизни.

С того дня, когда пражане обнимали освободителей, бросая сирень на горячую броню танков, вошли в обычай массовые народные гуляния. На Вацлавскую площадь, в центре столицы, где величаво здание Национального музея, в праздничный день 9 мая выйдут десятки тысяч пражан, загремит на эстрадах музыка, выступят артисты комедийного жанра, столь популярного здесь, будут танцы на мостовой. Машин — их по праздникам одевают в цветные национальные костюмы — будут водить хорободы, пионеры окружают группу взрослых, сомкнут кольцо и потребуют: «Спойте, а то не выпустим!», и запоем все вместе — ребята и их пленники.

Седьмь Станислав Шима и трам-

Пражская весна

важный кондуктор Людвиг Витек вспоминает за кружкой пива прошлое.

— Я первый увидел тот первый танк, — скажет кондуктор.

— А я еще раньше заметил советские ракеты. Помнишь, мы были на баррикаде...

Вагоны, набитые камнем, прегражали тогда шоссе у Праги. И защищая эту баррикаду люди из близлежащего трамвайного парка — горсточка патриотов. И вдруг пришла помощь! Принесли советские друзья!

На том месте у шоссе стоит каменный обелиск. Раньше здесь была городская черта, но с тех пор Прага выросла, и вдоль шоссе имени маршала Конева на запад тянутся ряды новых жилых домов, гуляют краны, подающие стрелы на кирпичи.

— Никогда так не строилось, не хорошила наша Прага, как теперь, — сказал мне кондуктор Витек. — Я-то знаю ее, — сколько лет езжу.

Его дочь Кветуша стала учительницей, сын Яромир кончает техникум, сдает этой весной последние экзамены. Но отец не думает оставлять работу, трудится по-ударному и не перестает любоваться своей родной Прагой.

Отсюда, с горы Петрижи, виден его маршрут. Трамвай идет сперва по шоссе имени маршала Конева, мимо Стрешовиц — района виал, ныне принадлежащих труженникам, затем проходит невдалеке от стройки высотного дома. Спустившись к Влтаве, трамвай идет по новому мосту имени Яна Швермы, героя борьбы против гитлеровской оккупации, и входит в центр столицы. Вагоны катятся мимо рядяных магазинов, бесчисленных ресторанов и кафе, мимо выставок,

которых в Праге нет числа, мимо новых скверов, вдоль шпалер лиц, тополей, вступящих кустов «Золотого дождя», оглябют гору Витков, увенчанную памятником Национального освобождения с мавзолеем Клемента Готвальда и конной статуей Яна Жижки.

А вот и рабочие районы восточной и южной Праги.

Как изменилась эта окраина! Недалеко от славной баррикады, описанной Яном Дрды, «вечной баррикады», где герои стояли насмерть, на тех местах, где гитлеровцы гнали женщин и детей перед своими атакующими «пантерами» и «тиграми», — новые дома, целый район. Еще недавно между Ванкрадом и Поголи был обширный пустырь. Теперь эти две части Праги слились, по проспекту имени генерала армии Еремченко на километры тянутся четырех-, пяти-, шестизэтажные жилые здания, стоят новые школы, детские очаги. В Вршовицах есть местность, которую прежде, при капитализме, иронически прозвали «эдем». Здесь были самые нищие трущобы Праги — скопление хибарок из фанеры, ржавого железа, обломков досок. Теперь здесь прекрасные широкие улицы, названные в честь советских героев, — Краснодарская, Брестанская, Калининская, Львовская и др.

Карел Буржич некогда жил с семьей в трущобах. Водопровода даже близко не было. Там у Буржичей родился ребенок, и Карел побегал на вилу к богачу попросить горячий воды. Хозяин вилы поморщился: — Ребенок! Не понимаю, зачем вам, голытьба, дети!

Буржич нередко рассказывает об этом избирателям, — ведь он агитатор, готовится к выборам в национальные комитеты, которые состоятся 16 мая. Нужно ли говорить, что безработица не грозит ему более? Это же ясно само собой. Карел Буржич — составитель поездов на вокзале Прага-центр. А его старая хибарка? Что стало с ней? На том месте, где она стояла, теперь разбит парк.

Враги мира проливают крокодильи слезы по поводу того, что-де Чехословакия «отрвалась от западной цивилизации». Американские атомщики, рейнские фабриканты пушек, потерявшие свои виллы в Карловых Варах, эсэсовцы, не успевшие разрушить Пражский университет, Национальный театр и мечтанные о «реванше», — известно, какая «цивилизация» нужна всем им, какой «эдем» они сулят труженникам!

Или меньше читают теперь здесь, меньше учатся? Напротив. С небольшим блеском возродился Карлов университет, собравший в своих стенах, помимо чехов и словаков, студентов из многих стран — от Китая до Польши. Всего три высших учебных заведения было в буржуазной Праге, тринадцать стало их теперь, намного выросло число студентов. Средний тираж книг, выходящих в Праге и в других городах страны, был 2 900, теперь — 10 480.

Быть может, меньше театров стало в столице? Напротив. Национальный театр получил новый великолепный филиал, возникли Реалистический театр, молодежный, десять трупп передвижного сельского театра, две сцены получили актеры-кукольники, да всего и не перечесть.

Национальное, любимое народом искусство кукольного театра вышло на экран. Тот, кто видел фильмы неистового выдумщика Иржи Трнки, в которых действуют куклы или фигурки из цветной бумаги, поймет, что родился новый жанр кинематографии.

Свобода — сестра таланта, она поддерживает зрелых творцов и бережно поставляет юных. Всему миру известен портрет Юлиуса Фучика, сделанный М. Швабским. Зоркий глаз, горячее сердце у престарелого мастера, выдающегося деятеля чешской культуры. Верной рукой передал он силу Фучика, волю его и вдохновение, дал нам увидеть героя жизни.

А сколько новых имен в искусстве! Йозеф Боза в годы гитлеровской оккупации тайно читал в кругу патриотов антифашистские стихи. «Тебе надо учиться», — говорил ему, — пойдем на сцену». Тогда это было мечтой. Теперь Йозеф Боза — актер, с успехом выступает в Реалистическом театре.

На полях, на заводах — всюду видны люди, нашедшие великое счастье в творческом труде для своего и всеобщего блага, осознающих с гордостью, что они — хозяева в стране, строящей социализм, что для них, труженников, все: каждый камень свежей кладки, слесок стали и анга, молодое дерево и цветок.

«Ветер чуть колыхает алые тюльпаны на горе Петрижи. Внизу, в склере, у памятника советским танкистам, резвятся малыши. Этот памятник — символ великой победы над гитлеровскими захватчиками, символ дружбы между двумя народами, прочной, как броня. Пусть же стоит он — святыня для друзей мира, грозное предостережение врагам.

В. ДРУЖИНИН, советский корреспондент «Литературной газеты»

ПРАГА, 7 мая. (По телефону)

Телеграфная пурга

Обнародуем несколько телеграмм:

«Итогах две декады сврывается план октября прошу принять срочные меры безусловного выполнения плана».

«Срочно райстаете получить головные формы восемь тире а зпт 59 за полные телеграфы министерство».

«Молниурите итоги октября зпт 10 месяцев неполучение отчета 3 десяти утра несете персональную ответственность».

«Срочно седьмого января высылайте материалы письму 01239 23 декабря части приняты обязательство почину за вода электросила тчк Райсовет прошу проследить своевременную отправку материалов».

«Сколько таких телеграмм — простых, срочных, «молний» — получает в Министерстве местной и топливной промышленности Якутской АССР Юрибийский промышленный комбинат. Привычки в Якурии и в этой телеграфной требовательности, и в мелкой опеке, и в грозных предостережениях; притыкаться и подпихивать по ним — «министром Соловьев», «замкнутым министром Иванова».

Настоящий шквал из телеграмм обрушивается ежедневно на районную контору связи. Немудрено, что ошалевшие от этого количества корреспонденции телеграфистки направили недавно в адрес комбината такую телеграмму:

«Срочно сообщите балансую стоимость вычетов износа продаваемых издания свинарика ледника овошекранишца сырого подвала 50-40 Соловьев».

Шквал этот вызывает ветреный телеграфный смех. Обойдите оп дешевле — план телеграфных расходов намного невыполнен. Между тем ежемесячно производственную программу комбинат проваливает. Основные работы ведутся вручную, полученные еще летом станки не используются, пилорама не работает. А министерство? Оно дает указания о «немедленном развертывании соревнования за лучшее использование оборудования».

Комбинату нужны не срочные телеграммы, а срочная конкретная квалифицированная помощь специалистов. Между тем на комбинате уже забыли, когда последний раз были в Якурии работники из Якутска. Сколько раз просили руководителя комбината пригласить инженера для оказания технической помощи, но дальнейших телеграфных сообщений дело не пошло.

Так и бужет телеграфная пурга.

Е. НИКОЛАЕВ, соб. корр. республиканской газеты «Нымы»

Д. НИКОЛАЕВ, редактор районной газеты «Красная звезда»

НОРБА, Якутская АССР

Памятник генералу Рудневу

Он здесь стоит на белых скалах, в плаще, сурово величав. Уже дождь, как не бывало, и солнце снова засверкает среди кустарников и трав. Высокий, ладный и плечистый, из бронзы он отлит навеки..

Вода по тропке каменной ступицей стечет в ручеек, как-будто встал за той судьбой, что не кончалась на горе;

он видел зорко пред собою столетия — в счастье и в горе, мир, ставший и светлей и выше, жизнь — после грозной поры, страну, что мирным счастьем дышит..

А он на выступе горы стоит среди тысячелетних вершин карпатских, и над ним легко клубится вечер летний — Отечества священный дым.

Перевел с украинского М. ШЕХТЕР

Виктор УРИН

Сержант

На поверку вечернюю встанте, Подравняйте, товарищи, строй, Я хочу говорить о сержанте, И о службе его фронтовой.

Был в боях он конужен и ранен, Он немало форсировал рек, Получивший сержантское звание Командир десяти человек.

Он идет: заплылись ботинки, Он ползет под навесным огнем, И лежат три осенних травинки На погоне его полевом.

На поверку вечернюю встанте, Подравняйте, товарищи, строй,

Я хочу говорить о сержанте, Об учебе его боевой.

Он друзей обучил маскировке, Объяснил им устройство гранат, Чтобы стал и умелым и ловким Наш выносливый русский солдат.

Он стоит на посту и в секрете, А вокруг тишина-тишина... Он, сержант, существует на свете, И пред ним отступает война.

Он то нежным бывал, то суровым, Он всегда в отделе своем Изменяется правоплановым И в учебе и в жизни — во всем.

Новые книги о подвиге народа

К десятилетию со дня всемирно-исторической победы Советского Союза над германским фашизмом Военное издательство предпринимает выпуск специальной серии — «Советский военный роман». В 1955 году выйдут первые восемь-десять книг этой серии. Выпуск ее рассчитан на несколько лет.

По примеру изданного двухтомного сборника военных рассказов готовится аналогичный сборник очерков. Тема: «Комсомол в Великой Отечественной войне» найдет отражение в большом сборнике рассказов и очерков.

В этом году Воениздат даст читателям ряд новых книг. Среди них — сборник рассказов П. Павленко, написанных в военные и послевоенные годы. В него включен публикуемый впервые рассказ «Жизнь солдата» — о герое Кавказа генерале Котляревском.

Воениздат выпускает также роман В. Гроссмана «За правое дело», повесть Э. Казакевича «Сердце друга», доработанные авторами для отдельных изданий, вторую книгу романа Г. Березко «Мирный город», сборник военных рассказов А. Первенева.

Читатели познакомятся с повестью Героя Советского Союза В. Максаква «Танковый

рейд», книгой Героя Советского Союза Г. Артозеева «Партизанская борьба» (литературная запись И. Брагуля).

О мужестве советских моряков рассказывается в книге А. Кучерова «Служили два товарища». Сталинградским боям посвящена книга очерков В. Коротева. В числе поэтических сборников, выпускаемых Воениздатом, — книга стихов о Советской Армии летчика подполковника М. Спирина «Мое богатство».

В издательстве «Молодая гвардия» вышло несколько новых книг о Великой Отечественной войне. Среди них книга молодого ленинградского автора В. Никуля «Океанский патруль» — о разгроме гитлеровцев на Севере.

В этом же издательстве вышли сигнальные экземпляры книг И. Маркина «На берегах Дуная», Л. Зайцева и Г. Сульского «В далекой гавани», сборник рассказов о советских летчиках А. Поддубова «Восходный поток» и другие.

Подписаны к печати повесть С. Смирнова «На полях Венгрии» и повесть П. Федорова «В августовских лесах».

Читатели помнят первые две книги А. Федорова «Подпольный обком действует». Автор написал третью часть. Все три части выходят отдельной книгой.

ДЕНЬ РАДИО

Вчера советский народ отметил традиционный День радио. В городах и селах проходили беседы и лекции о достижениях советской радиотехники. В Колонном зале Дома союзов состоялось торжественное заседание. В Москве, Ереване и других городах открылись выставки аппаратуры, приборов и моделей, управляемых по радио, изготовленных радиолюбителями.

Сейчас в стране уже работают пять телевизионных центров: в Москве, Ленинграде, Киеве, Харькове, Горьком. Телевизионные передачи смотрят тысячи сельских жителей.

В ближайшем будущем начнутся телевизионные передачи еще в четырех городах: Минске, Риге, Свердловске и Баку. Ведется подготовка к строительству телецентров в других городах Советского Союза. Заключена разработка установки цветного телевидения в Москве. С 1955 года в столице начнутся опытные передачи.

Советские ученые значительно обогатили науку о радио.

Радиотехника находит все более широкое применение в различных отраслях науки и техники.

ПО СЛЕДАМ ВЫСТУПЛЕНИЯ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

«ИСКУССТВО КЛОУНАДЫ»

Опубликованная под таким заголовком статья Ю. Дмитриева встретила широкий отклик среди работников цирка. На обсуждениях в ряде цирков и на специальных заседаниях в Управлении цирков статья была признана правильной и своевременной, хотя и вызвала олеумку по некоторым творческим вопросам.

Как сообщила редакция начальнику Управления цирков Ф. Еардиан, для развития

жанра клоунады управление принимает следующие меры: в соответствии с приказом министра культуры при Государственном училище циркового искусства будет открыто специальное отделение по подготовке клоунов, сатириков и музыкальных эскизников; при Центральной студии циркового искусства организованы годичные курсы клоунов; в течение 1954 года будет подготовлен новый репертуар для артистов-клоунов.

Три рядовых советских гражданина, три ленинградца, в разное время, по разному поводу пришли нас привлечь внимание общественности к необычным, казалось бы, фактам. Мы увидели в этих случаях нечто общее и неслучайное, о чем стоит рассказать читателям.

Крышку от масленки принес нам один из ленинградских писателей. Он положил ее на стол и рассказал следующее:

— Видите ли, по неосторожности я купил в посудном магазине эту масленку. Поставил новую покупку на буфет, но только дотронулся до крышечки, как она выскочила из пальцев и масленка вдребезги разбилась. У соседки тоже разбилась крышка, но не от масленки, а от сахарницы. Оказывается, моя масленка и соседкина сахарница — родные сестры. Обе они сделаны на Чудовском стеклозаводе «Восстание». После этого я купил еще одну масленку — это уже с чисто исследовательской целью. Крышку от нее перед вами.

Займите в любой ленинградский посудный магазин, и вы там увидите продукцию Чудовского стеклозавода: масленки, салатницы, сахарницы и т. п. Тусклое, словно ненастный день, стекло, ободки и грани — с царапинами и зазубринами. Но главное дело — в крышке. Испокоя веков на всех посудных крышках сверху всегда делалась удобная круглая шишечка. Но на стеклозаводе «Восстание» решили отменить ветхозаветную шишечку и заменили ее усеченным конусом. Этот конус до того скользкий, что удержать крышку нет никакой возможности.

Выяснив все эти обстоятельства, мы связались по телефону с директором Чудовского стеклозавода тов. Ивановым. На вопрос о методах эксплуатации масленок и сахарниц, выпускаемых вверенным ему заводом, тов. Иванов ответил:

— Конечно, подпускать к нашим масленкам и сахарницам детей не рекомендуется. Взрослые же должны соблюдать максимум осторожности. Что? Неудобная крышечка? Сам знаю, что неудобная. Глазку виднее. Крышечку утвердили в Москве на художественном совете. Что? Сколько выпустили тысяч масленок и сахарниц? Да поболее миллиона штук. Без дела не сидим. Программу выполняем...

Круглый расписный пенал был куплен в Доме ленинградской торговли для одной из первоклассниц 184-й школы. Он послужил девочке только одно утро.

Очевидно, сердцевину пенала плохо выдолбили, и он внутри получился коротким. Попробуйте открыть его: перо стандартной ученической ручки непременно воткнется в крышечку. Девочка попыталась оторвать ручку с пером от крышки пенала, ручка выскользнула, перо впилося в ручонку и сломалось.

— Он кусается!.. — закричала первоклассница отпавшей в ДИТ, где продавались такие пеналы. Начальник отдела кузубоватов тов. Глобус, повертел пенал в руках, посоветовал:

— А вы подните ручку, укоротите ее...

Покупательница сказала, что у пенала есть и другие недостатки: в него с трудом влезают тощая ученическая ручка и столяр

же тощий ученический карандаш, резинку положить уже некуда (а какой же это первоклассник без резинки!). На это невозмутимый Глобус ответил:

— Резинку можно отделить в сумке носить...

Покупательница заметила, что у пенала неудобная форма — он не держится на парте. Тут Глобус окончательно рассердился:

— Я извините, двадцать лет на этом деле. В художественном совете Министерства просвещения приходилось заседать, вместе с профессорами. Совет и утвердил образец пенала.

— А вы бы девочку-первоклассницу на художественный совет пригласили, она бы там сказала, какой ей пенал нужен...

— Кто же, по-вашему, больше понимает: первоклассница или профессор? Я вот двадцать лет на этом деле сижу...

Остается добавить, что «кусаящиеся пеналы», которыми доводен тов. Глобус и недовольны первоклассницы, выпускает артель «Ходломская распись» — Горьковская обл., гор. Семелово, улица Чкалова, ГОСТ № 5073-49, Сорт I. Нач-к ОТК Шляпников.

Отдажды в Москве в приемной начальника Главоблву тов. Бреева раздался телефонный звонок. Секретарша сняла трубку и бросила в нее заученные слова: «Его нет. А кто спрашивает?». В ответ она услышала:

— Извините за беспокойство, звоню из Ленинграда. Я — покупатель.

— Покупатель? Из Ленинграда? — переспросила секретарша. — Одну минутку... Она ненадолго отлучилась и потом объявила:

— Товарищ Бревес занят. Взять трубку не может.

— Значит, он у себя?

— Да, но у него совещание. Позвоните начальнику производственного отдела Коломейскому.

Что же хотел высказать покупатель из Ленинграда тов. Брееву? Он хотел рассказать о скороходовском ботинке, в котором его лодка не проходила и месяца. Выходит, ребренку в год надо покупать по меньшей мере 12 пар обуви! В ногу хозяйки ботинка постоянно впилились гвозди. Свою же прямую функцию — держать подошву — гвозди упорно не выполняли.

Отен девочки пытался поговорить с заместителем директора фабрики «Скороход» тов. Жукowym. Где там! Вот тогда-то покупатель и решил позвонить в Москву...

Рядовые, на первый взгляд не очень значительные факты. Но в них действительно есть общее. Все они выводят на серьезные размышления об отношении к потребителю, то есть к советскому человеку. Как мог художественный совет утвердить образец пенала-коротышки? Кто мог разрешить заводу производство масленки с конусной крышечкой? Только не думая об удобствах советского человека, можно санкционировать выпуск вещей-неудач, плохих, некрасивых, неудобных. Настоящее уважение к человеку требует заботы обо всем, из чего складывается наш быт.

А. ЛЕЖИН, собственный корреспондент «Литературной газеты»

ЛЕНИНГРАД

Встреча состоится в Москве

В Москву из Парижа возвратилась советская спортивная делегация, которая принимала участие в работе Совета международной федерации конькобежного спорта. Корреспондент «Литературной газеты» обратился к участнику делегации, заслуженному мастеру спорта И. Анканову с просьбой рассказать о наиболее значительных

решениях, принятых советом. Вот что он сообщил:

Совет решил провести очередные соревнования на первенство мира по скоростному бегу на коньках среди мужчин в Москве 19—20 февраля 1955 года, соревнования на первенство Европы — в Швеции 5—6 февраля.

Цвет и быт

Цвет окружает нас повсюду: это цвет одежды и обуви, цвет комнаты и картин, цвет улицы и ее домов, скверов, клубов...

Александр КАЗАНЦЕВ

Человек активно воздействует на окружающую его гамму цветов. Он выбирает по своему вкусу окраску комнаты, цвет гардин, абаяжу и ковров. Вкусы бывают разные. Но никому, например, не придет в голову сделать комнату черной. Цвет влияет на самочувствие человека, это известно уже давно. Красный цвет, например, горячий, самый активный и энергичный, вызывает чувство бодрости, радости жизни. Синий — цвет неба и дали, исчезающих на горизонте гор и вечерних сумерек, — напротив, успокаивает. Говорят, что желтый цвет вызывает «благодушное» настроение. Зеленый цвет, напоминающий траву лугов и, быть может, потому считается цветом «здоровья», стал символом весны и плодородия, юности и надежды.

В большом городе автомашина — неотъемлемая архитектурная деталь. Выдувающий красочный поток делает улицу рядовой. Но как серовато-бледен поток автомашин на наших мостовых! Превосходные «победы» почему-то красятся по преимуществу в зеленую, желто-зеленоватую и машинные цвета, цвета пыли... А ведь Главхимпластраска представляет в распоряжение автомобилистов телетелей краски 37 расцветок! Какую гамму цветов можно вынуть из улитки!

Цвет наряду с гармонией форм всегда определял собой красоту. Люди хотят жить в красивом городе, на красивой улице, в красивой комнате. Люди хотят красиво одеваться.

Для того, чтобы удовлетворить это естественное желание, необходимо создать широкую гамму красителей, с помощью которых можно прилить вещам любой цвет по вкусу советского человека.

Производство красителей — это мощная и сложная отрасль индустрии. По разнообразию палитры красителей, производимых в стране, можно судить о ее химической промышленности. Как же у нас обстоит дело с красителями?

Мы в кабинете руководителя Научно-исследовательского института органических полупродуктов и красителей Министерства химической промышленности.

Проф. А. Королев рассказывает, как советские красители успешно конкурируют с зарубежными на международном рынке. Мы узнаем, что в наших лабораториях разработаны сотни марок красителей для всех нужд народного хозяйства; из них значительная часть — кубовые красители, то есть именно те, которые могут раскрасить ткани. Великолепная палитра! Она пленяет своим разнообразием, игрой, яркой определенностью цветов.

Почему же, однако, вокруг этих, в быту, мы не видим всей гаммы этих красок, почему, выбирая в магазине ткань, мы нередко встречаем блеклые, расплывчатые тона, не находим оттенков, которые так щедро представлены в лабораториях?

Проф. Королев объясняет:

— Дело в том, что далеко не все красители, полученные в лаборатории, освоены в массовом производстве. Из нескольких десятков марок кубовых красителей химическая промышленность выпускает пока только двадцать. Текстильщики, однако, не используют даже и этого. Они получают в основном сернистые красители. Применяя их, можно получить только гладко окрашенные ткани в очень ограниченной гамме цветов.

Так дело обстоит с тканями. Ну, а ковжевики? Они гордятся, что освоили тридцать цветов и оттенков для различных фасонов обуви. 30 видов окраски! Представьте себе на минуту такую красочную витрину!

— Нет, зачем же витрину... — смущенно останавливает вас.

Беза в том, что и кожевенные предприятия не получают от химической промышленности разнообразных, уже освоенных промышленностью красителей в достаточном количестве. К тому же ковжевики жалуются, что поступающие к ним красители нуждаются в обогащении ассортимента.

Так что же это такое за досадное явление: и есть как будто красители и нет их?

Недавно нам довелось быть на одном совещании: собрались работники научных институтов, создающих красители, химики, осваивающие массовое их производство, колористы предприятий, выпускающих ткани, кожу, мебель. Как всегда в таких случаях, было выслушано немало взаимных претензий.

Например, колористы Московской фабрики имени Маркова, выпускающие декоративные ткани, сетовали на то, что кубовые красители в пасте не дают необходимого качества окраски.

— Почему же пасты? — возмутился в свою очередь представитель анилино-раскрасочной промышленности. — Паста предназначена для печатания рисунка на тканях, а окрашивать нужно кубовыми красителями в порошке.

Мебельщики жаловались на неоднородность одного и тех же красителей. Начинаясь, допустим, красить шиф под «серый клен», а получается «зеленый клен». Главный инженер Дербеневского завода красителей тут же парировал эти упреки, заявляя, что процесс крашения на мебельных фабриках производится кустарно, что необходимо уточнять рецептуру.

Споры, упреки, претензии!..

Как-то знакомая художница показывала нам свои рисунки тканей, которые она представляла в художественный совет. Женщины не могли сдержать восхищения. И тотчас выбраны были краски яркие и жизнерадостные, чистые, светлые, цвета неба и луны, солнца и драгоценного рубина. Художница, кисло улыбнувшись, отодвинула выбранные образцы, оставив лишь невыразительные рисунки, выдержанные, казалось бы, уже в поливных, блеклых тонах. Оказывалось, художественный совет одобрил именно эти рисунки...

Почему? Почему это бывает в практике работы художественных советов?

Иногда потому, что во главе художественных советов текстильных фабрик стоят главные инженеры, производственники, вовсе не заинтересованные в ломке производства, в преодолении новых трудностей «во имя красоты». Иногда потому, что колорист фабрики, специалист, ведающий на производстве воспроизведением цвета, ограничен в своей палитре.

Вот она, перед нами! Но как она не походит на то, что мы видели в лаборатории, как бедна, бледна!.. Что нам показывают? Это так называемый «цветник», альбом образцов различно окрашенных тканей, которые реально можно получить на производстве.

Колористы, на которых «держится» весь внешний вид изделия, казалось бы, должны быть и самыми видными на фабрике людьми. На деле они — самые забытые. Кадр эти специалисты вообще не готовят! Нет в институтах такой специальности. Есть художники, призванные составлять рисунки тканей, есть технологи волоконистых веществ, а колористов нет! Им становится самостоятельно. Неужели даже пособием, «цветником» не могут колористы обеспечить? Ведь тот, что нам показывали, — выпуска 1936 года!

Но здесь дело глубже. Суть не в том, что кто-то не удостоился выпустить новый, более поздний цветник. А в том, что окрашивать ткани на многих фабриках можно лишь в те самые цвета, что и в 1936 году!

А где же все те красители, о которых нам рассказывал профессор Королев? Где же замечательные кубовые красители, которые покупают у нас зарубежные фирмы, чтобы покрасить отправляемые к нам вещи?

Дело в том, что с кубовыми красителями на текстильном производстве много больше хлопот, чем со старыми, с сернистыми, ко-

мам крашения в Научно-исследовательском институте шелка, да и в других отраслевых научно-исследовательских учреждениях.

А взять местную промышленность и предприятия промкооперации! Здесь ведь культура крашения и поавно ниже, чем на предприятиях союзного значения.

Понятна гордость ученого или коллектива ученых, подвизавшихся на новой, раздувающей глаз окраске. И вдруг жалоба: ваш краситель плох! Можно предположить, что творцы гаммы красителей, так же как и композитор, создавший новую симфонию, кровно заинтересованы, чтобы их творения доходили к миллиону не в искаженном виде, а во всем звучании, как задумано. Однако практически получается так, что химика пока остается равнодушными к судьбе своего детища.

Химическая промышленность располагает мощной техникой, научно-исследовательскими институтами, высококвалифицированными кадрами. Создавая красители, химики не могут быть равнодушны к тому, как выглядят их труд. Мало создать краситель. Не менее важно выдержать его в быт.

Самая жизнь подсказывает это. В составе Научно-исследовательского института органических полупродуктов и красителей создано информационно-техническое бюро для оказания помощи потребителю. Бюро делает свое дело, но в размерах, ни в какой мере не отвечающих неотложным нуждам народного хозяйства. Бюро крайне ограничено в своих возможностях, не имеет технической базы. Информационные материалы выпускаются крайне медленно.

В системе химической промышленности необходимо создать мощный центр по внедрению красителей, снабдить его производственной базой, обеспечить кадрами. Химика обязаны дать своим потребителям все необходимые им справочники, периодически издавать проспекты, помогать отраслевым институтам легкой промышленности, совместно с ними составлять технические инструкции и организовывать повышение квалификации колористов. Химика должны вести борьбу за то, чтобы их достижения не пропадали даром.

Цвет должен входить в наш быт во всем величии лабораторных находок, донесенных производственниками до народа. Цвет наших вещей, окраска наших зданий должны отвечать стремлению советского человека к красоте.

После окончания лекций большая группа студентов заперлась в самой большой аудитории главного корпуса и хором запела католическую молитву... вот что установила помощник декана санитарно-гигиенического факультета В. Дмитриева.

Через смежную дверь в деканат просачивалась широкая торжественная мелодия. — Неслышно! — воскликнула В. Дмитриева. — Где мы находимся? В костеле? В Ватикане? Нет! Мы находимся в Горьковском государственном медицинском институте! Мне страшно, товарищи!

В. Дмитриева была не просто помощником декана, она была еще и членом редколлегии института многоотраслевой. И она тотчас поспешила к редактору газеты М. Троицкой.

— Опять поэт... Липо М. Троицкой налилось гневом. — Пора это п-р-к-р-а-т-и-т-и! — отчеканила она.

М. Троицкая решительно отворила дверь аудитории, где шла репетиция. Руководитель хора — молодой дирижер Сергей Александрович Гусев сдала страдающее лицо, просящее махнул ладонью...

— На минутку, товарищи! Дмитриева говорила властно, безапелляционно. Изредка по ее губам пробегала саркастическая усмешка.

— Вы в своем уме? Вы понимаете, что поете? Глаза Сергея Александровича потемнели.

— Простите, это же «Реквием» Моцарта, фрагмент Lacrimosa, одно из выдающихся классических произведений.

Классика — классикой! Откажитесь от «Верую» или... или «Аллилуйя»! — Простите, мода — «Реквием» давно уже утратил характер религиозный, давно перешел на концертную арену!

Его исполняют музыкальные коллективы Москвы и Ленинграда. Это не похоронный плач, это гимн человеку... Троицкой надоело слушать дирижера. Она вмешалась:

— В общем, мы пересмотрели репертуар хора. Редколлегия предлагает вам заметить этот реквием на хорошую современную песню!

Итак, редколлегия, не имея на то права, запретила исполнять «Реквием» Моцарта.

Руководитель хора обратился за советом в организацию, призванную оказывать помощь самодеятельным коллективам, — в Дом народного творчества. Там Гусеву сказали:

— Мы берем у классики то, что соответствует радостному звучанию нашей эпохи. Разве мало у нас хороших советских песен?.. В общем, не благословляем. Больше оптимизма, товарищ Гусев!

Но товарищ Гусев вовсе не был противником советских песен. Они занимали около трети в репертуаре хора, а остальные — народные и классика. Не из отсутствия оптимизма выбрал Гусев фрагмент из «Реквиема». Кроме заманчивой цели подготовить это необычайно трудное для профессионального коллектива произведение, предопределило его вокальные и гармонические сложности, Гусев ставил и чисто учебную цель: поднять уровень музыкальной культуры хора...

И вот когда успех превзошел ожидания, когда о хоре заговорили в городе, когда Lacrimosa в исполнении студенческого хора записали для радиотрансляции, — в своем родном институте, где должны были, казалось, гордиться творческой победой коллектива, на Моцарта наложил запрет. Они сослались на «перенасыщенность» репертуара классикой, другие сомневались в том, «прилично ли звучит для русского уха латынь», а третьи не скрывали опасения: «как бы чего не вышло!»

А дело только лишь в следующем: неведомо почему перестраховались! О. СТУКАЛОВ, Л. ЧЕРЕНЦОВ

А. АНАСТАСЬЕВ

Во власти писательского произвола

Писательская рука Анатолия Софронова постоянно лежит на пульсе времени. Просто трудно представить себе, что драматург может створиться от наших дней, героев-современников, людей, строящих коммунизм на передовой линии строительства. Ощущение времени, стремление вмешаться в жизнь, сказать о ней свое слово определяли достоинства и долговую жизнь первых же пьес А. Софронова — «В одном городе» и «Московский характер». При некоторых просчетах они подкупают горячностью авторской мысли, остротой жизненного конфликта, определенностью характеров, логикой драматической борьбы.

К сожалению, этого не скажешь о пьесе «Варвара Волкова», напечатанной в журнале «Театр» и поставленной на сцене Театра имени Моссовета.

Варвара Волкова — талантливый инженер и изобретатель. Об этом многократно говорится едва ли не все действующие лица; мы на первых же страницах узнаем, что она создала в заводской лаборатории необходимый для мощных гидроаэров изолационный материал — толак, который по твердости превосходит алмаз и победит. Но то ли натура у Волковой такая, то ли успехи вскружили ей голову, она упорно, упорно отвергает возможность инженера Подгорного, который видит возможность усовершенствования толака. Впрочем, Волкова и просто не любит Подгорного, «органически его не выносит», как она говорит.

Отсюда и начинается пьеса, и надо отдать справедливость А. Софронову, начинается энергично, без растраченной аморфной экспозиции, присущей многим нашим пьесам. Оскорбленный Подгорный пишет письмо в райком партии, в котором обвиняет не только Волкову, но и ее мужа, директора завода, обвиняет его в семейственности, в том, что он всячески потворствует супруге. И хороший директор, деятельный инженер. Герой Советского Союза, испугался; из перестраховочных соображений, явно во вред делу он предложил жене уйти с завода. Так возникает личная драма героев, кончающаяся их разрывом...

Нередко бывает в жизни так, что хорошие советские люди страдают теми или иными недостатками, в силу этих своих личных особенностей совершают поступки, вредящие делу, вносят серьезные, подчас

КАКИМИ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ТВОРЧЕСКИЕ СЕКЦИИ?

В печати, в частности на страницах «Литературной газеты», уже неоднократно появлялись критические замечания в адрес творческих секций Союза писателей. Но, странное дело, все, в том числе и руководители Союза, виднейшие литераторы, жутко, что существующее положение изменится «само собой», и отнюдь не собираются сами, своим участием, своим живым словом внести в секции атмосферу творческого горения, подлинной заинтересованности в судьбах литературы.

За последние два года творческие секции ССП Латвии стали регулярнее собираться, активнее вторгаются в текущий литературный процесс, да и сами обсуждения отдельных произведений отмечены печатью большей, чем прежде, деловитости. И все же на недавних отчетно-выборных собраниях секций писатели высказывали неудовлетворенность содержанием и формами работы секций.

Живое обсуждение или скучное заседание?

Действительно, почти вся деятельность любой из наших секций может быть уложена в простенькую схему обычного заседания: доклад (или — «для большей объективности» — два доклада) об очередном обсуждаемом произведении, затем несколько выступлений в прениях по отдельным частным вопросам, в завершение — выступление автора, который благодарит участников обсуждения, иногда оспаривает некоторые замечания, но всегда заявляет, что товарищеская критика пойдет ему на пользу.

Такое обсуждение в секции иногда помогает автору, хотя практически ничем не отличается, например, от обсуждения книги в редакционно-издательском совете. Что же касается остальных членов секции, то они едва ли уйдут с заседания обогащенными чем-либо, кроме знания некоторых литературных фактов, оценок, мнений. А ведь именно в том и состоит самая суть, весь смысл существования творческих секций, что они призваны не просто регистрировать отдельные произведения и выставлять отметки или выдавать литераторам свидетельства об успеваемости, а должны быть творческой лабораторией, из которой писатель каждый раз выходит обогащенным, полным новых мыслей, творчески собраным и вдохновленным. К сожалению, на обсуждениях почти никогда не выдвигаются проблемы, существенные для всего литературного процесса, и наши секции похожи не на творческие лаборатории, а на арбитражные комиссии, или юбилейные комиссии.

С полгода назад секция драматургов обсуждала пьесу А. Броделя «Авария». Пьеса в основном воспроизводит мотивы двайды обсуждавшегося ранее сценария писательницы. Естественно, что обсуждение пьесы невольно превратилось в своеобразную экспертизу. Драматург старался ответить на вопрос: доведена ли пьеса до такого состояния, что ее можно ставить на сцене, или нет? А. Григулис ставил с этого и начал свою речь, заявив: «Пьеса такова, что ее можно поставить и по обсуждаемому экземпляру рукописи. Это не будет событием, но центральный конфликт может возбудить зрителя». Затем следовали частные замечания. Аналогично выступил и режиссер театра А. Амтман-Бриедит. «Пьеса написана хорошо», — сказал он, — «привратиться можно к любой пьесе, к любому образу. Ставить пьесу в таком виде можно». Между тем дело обстоит серьезно. Действие пьесы разворачивается в современной латвийской деревне, герои ее — колхозники, работники МТС. Были все основания для содержательного разговора о насущных про-

блемах жизни колхозного крестьянства, о том, какое художественное выражение нашла в пьесе правда жизни. Эта основная тема для разговора была обойдена. Все свелось к констатации, какие погрешности надо исправить прежде, чем начать репетиции. Соответственным был и результат: обсуждение не нашло ни аргументов, ни остальных членов секции на большие творческие задачи, не заставило никого придуматься и таким образом, по существу, не оправдало себя.

Еще отчетливее проявились эти непродуктивные методы работы на совместном заседании секции прозы и комиссии по детской и юношеской литературе в конце декабря прошлого года, когда по просьбе издательства обсуждался рассказ для детей А. Янон «Электростанция на колхозном лагу». Издательство для издания рассказа нужна была виза, и секция своим протоколом дала ее, записав: «Секция рекомендует рассказ для издания с теми поправками, какие издательство и автор поправками, какие издательство и автор поправками. Таким же чисто утилитарным, а не творческим были заседания секции прозы, посвященные обсуждению сборников стихов А. Круклиса «День занимается» и В. Саулит «Майские голоса». Докладчики и выступавшие в прениях говорили не столько о поэзии, сколько о том, как издать сборники.

Из жизни секции после многократного повторения подобных заседаний вовсе исчезло творческое начало. Даже писатели, живущие напряженной творческой жизнью, приди на такие заседания, словно терпят присущие им остроту, целеустремленность, размах. Яркий пример — заседание секции прозы, посвященное состоянию очерка в современной латвийской литературе. На него пришли опытные литераторы И. Грант, К. Краузинь, Я. Ниедре. Но и они в своих речах ограничились лишь частными замечаниями по докладу, даже не попытавшись проанализировать причины отставания этого жанра в Латвии.

За разнообразные и гибкие формы работы

Ясно, что подобное положение в секциях не может удовлетворить писателей, и закономерно возникает мысль о необходимости изменить работу секций.

Белорусские товарищи, поделившиеся недавно в «Литературной газете» своими мыслями о работе творческих секций, выдвинули несколько предложений. С основных положениями их статьи нельзя не согласиться. Давно пора поднять вопрос о перестройке деятельности творческих секций, об определении их места во всей структуре Союза писателей. Было бы правильным дополнить на предстоящем Втором всесоюзном съезде советских писателей ныне действующий устав ССП СССР параграфами о творческих секциях. Такое дополнение устава подмет авторитет и значение секций и зафиксировать конкретные организационные формы для осуществления творческих задач Союза.

Конечно, и ныне действующее положение о творческих секциях и возможное дополнение устава должны быть подкреплены конкретными делами. Самое главное — решительный отказ от бюрократических методов руководства, разнообразие и гибкость форм работы, постоянное творческое общение, при котором писатели могли бы обогащаться опытом мастерства, делиться жизненными наблюдениями и размышлениями о существе важнейших процессов, происходящих в стране.

В творческих секциях ССП Латвии писатели чрезвычайно редко читают собрания по перу свои новые, еще не законченные или не отделанные произведения.

Секция прозы недавно решила собраться, чтобы послушать несколько глав из второй части романа Я. Ниедре «Село Пушкаря». Автор хотел не только ознакомить товарищей с тем, что уже написано, но и поделиться своими замыслами, попутно высказываясь. Дело кончилось конфузом: кроме самого автора, явился всего лишь... один из членов секции. Этот факт свидетельствует не только об организационной беспомощности секции, но и о том, что творческая атмосфера заглушена под названием заседания, что члены секций отвыкли от задушевных, простых разговоров о писательском мастерстве, о жизни литературы.

Между тем такие чтения и последующие собеседования могут оказаться интересными и очень полезными именно для широкого творческого обогащения. Писатель написал новый рассказ, в котором, как ему кажется, он поднял важную общественную проблему; рассказ к тому же как будто удался, захватил автора, ему хочется поделиться своими мыслями и радостью удаче с друзьями по профессии, подыгнать им в будущем, а вот в эти дни, пока свежи еще в воображении образы, характеры, им в жизни найденные. Почему бы не собраться литераторам, не послушать товарища, не побеседовать? Конечно, совсем не обязательно многолюдное собрание, могут собраться несколько человек, действительно заинтересованных новым произведением, чувствующих, что эта встреча и им поможет в решении творческих вопросов.

Живой обмен мнениями, размышления о важнейших явлениях современности, стремление по-новому взглянуть на происходящее вокруг могут быть вызваны и выступлением перед своими товарищами писателя, только что вернувшегося из интересной поездки. Действительно, литератор пробыл длительное время, скажем, в деревне, набрал впечатлений, встретился с десятками новых для него людей, более того, — из тысячи фактов, прошедших перед ним и «прощупанных» им, стали вырисовываться выводы, обобщения, думы не только об отдельном, запомнившемся ему человеке, а и о процессах, характерных для современного этапа нашей советской жизни. Общение с друзьями, с соратниками по литературному труду поможет писателю быстрее разобраться в гуще жизненного материала, взглянуть на него шире, а иногда и поострее.

В свою очередь такой рассказ о впечатлениях, а значит, и о замыслах, об идеях, рожденных в сопереживании с жизнью, будет не просто полезен для остальных членов творческой секции, а может послужить толчком к иной оценке накопленного каждым литератором жизненного материала, к большому принципиальному разговору о жизни и литературе. Конечно, и в этом случае необходима осторожность, ибо некоторые писатели на самой их природе требуют осторожности, ибо некоторые писатели такие выступления даже не могут выслушать спокойно, они могут расценивать слог впечатления, потерпеть напад, необходимый для дальнейшего творческого процесса. Но как одна из форм творческого общения писателей в рамках секции, такой вид собеседования, на наш взгляд, может оказаться целесообразным.

Очень печально, что, например, за последние год секция в ССП Латвии не обсуждала больших проблем литературной жизни, не устроила ни одной дискуссии. Секция поэзии, правда, однажды собралась поговорить о состоянии латвийской советской поэзии. Но этот разговор был плохо подготовлен, не опирался на детально проанализированный фактический материал и не затронул важнейших вопросов: о жизненном содержании поэзии, о бескрылости и декларативных стихах, в которых всякая тема никак не решается поэтически. Обсуждение вопросов очерковой латвийской литературы мы уже характеризовали.

В таком положении повинны не только секции, но и правление Союза. Оно не вышло в работу секций и не направляло ее.

Обсуждать проблемы творчества

Наряду с дискуссиями по большим проблемам творческие секции, на наш взгляд, должны специально обсуждать конкретные вопросы мастерства, литературной техники: вопросы композиции, сюжета и т. д., более узкие вопросы, как приемы обрисовки характеров, создания портрета. У нас почему-то за последние годы принято уклоняться от коллективного обсуждения на секциях по таким вопросам. Сосредоточивать внимание на различных элементах писательского мастерства — вовсе не значит отдавать дань формализму, как думают некоторые в меру базисные литераторы. Специалисты всех других отраслей народного хозяйства, науки и культуры, собрались на совещания и конференции, деловито обсуждают технологию своего дела — лишь у нас считается зазорным и неуместным подробно вынырять в тонкости той работы, которая является главным содержанием нашей писательской деятельности.

Нас могут спросить: но разве при обсуждении того или иного произведения мы не останавливаемся на мастерстве писателя, не рассматриваем систему образов романа, не касаемся его композиции, языка? Все это так. Но ведь суть в том, что вопросы мастерства и взаимное обогащение творческим опытом должны занять неизменно большое место в деятельности секций. В свое время в «Литературной газете» были опубликованы интересные «Письма о рассказе» Сергея Антонова. Разве мысли Антонова, его наблюдения над «технологией» не могли стать основой для подробного профессионального разговора прозаиков о рассказе?

Такое обсуждение отдельных вопросов литературного мастерства можно дополнить и вечерами, на которых тот или иной литератор в товарищеской среде может делиться опытом своей работы над книгой, рассказом, повестью, или своим подходом к созданию образов, работой над композицией, диалогом и т. д. Обычно с чем-либо подобным писатели выступают только перед молодыми авторами. А почему только перед молодыми? Писатель всю жизнь совершенствуется, оттачивает свое мастерство. Каждую новую книгу он начинает так, будто впервые берется за перо, и каждый раз сызнова встает перед ним во всей мучительной сложности задачи преодоления материала, воплощения характеров, сюжета, композиции. Само собой рождается желание побеседовать с товарищами, в спорах, в столкновении мнений найти что-то новое для себя. Разве не для этого и созданы творческие секции? А вот, перебирая в памяти работу наших секций за последние годы, не припомнишь ни одного собрания секции, на котором развернулся бы подобный разговор...

Итак, гибкость и разнообразие форм работы — вот что может помочь секциям стать творческими лабораториями, нужными и необходимыми писателям.

Руководящие органы ССП сейчас несколько оторваны от работы творческих секций, занимаются главным образом, текущими организационными делами. Думаю, что это относится не только к правлению ССП Латвии, но и к правлению ССП СССР. Приезжая в Москву, присутствуя на заседаниях московских секций, увидевшись с товарищами на их руководящих собраниях, творчество — главное дело писателя. И работа секций, созданных для коллективного обсуждения и решения непосредственно самими писателями важнейших творческих вопросов, должна стать одним из главных звеньев во всей деятельности Союза писателей.

Визбул БЕРЦЕ

В бетон закованная лира

Эти стихи нелегко дочитать до конца, так они нелепы; их почти невозможно цитировать, до того они возмутительны. И все же о них нужно говорить, так как стихотворение «Маяковскому» Валентина Марьянского черным по белому напечатано в десятой книжке альманаха «Старополье», вышедшей в этом году. По мнению автора и, очевидно, редакции, стихи эти должны прославлять великого поэта революции. Вот как пишет автор о Маяковском:

...Твоя в бетон закованная лира...
...Ты поднимал кулак, что весом был не скуден... (?)
...Всем существом ты сроеся с пятилетками,
Живя одним помыслами с классом,
До самых до печеню, всеми клетками
Горел в борьбе, не отдыхая часа!
...Ты мчишь века (!) — и не какими-то газиком,
А танком грохочешь в бессмертном вдохновенье...

По В. Марьянскому рисует образ поэта не только громобитыми сравнениями, он пишет и о Маяковском-лирике:

...Но разве не умел из слов ты ласку вышить (?)...
...И разве не был ты в душе настолько нежным,
Что мог назваться облаком в штанах?..

Нет, не понял иронической гиперболы автора «Облака в штанах» тов. Марьянский, не понял ее, как видно, и главный редактор альманаха К. Черный, подписывая в печать номер с невежественными стихами. Не таких ли редакторов имел в виду В. В. Маяковский, когда он в своей статье «Как делать стихи?» писал: «80% рифмованного взора печатается нашими редакциями только потому, что редактор или не имеет никакого представления о предыдущей поэзии или не знает, для чего поэзия нужна».

К. ЛАПИН

Конкурс на лучший научно-фантастический рассказ

Журнал «Техника — молодежи» объявил конкурс на лучший научно-фантастический рассказ. Конкурс рассчитан на привлечение писателей, научных работников, производственников, студентов и учащихся к жанру передовой научно-фантастической литературы. Рассказы должны раскрывать перспективы развития науки и техники, движение вперед смелой творческой мысли, показывать романтику научно-технического творчества и образы борцов за прогресс и проведение передовой науки.

Тематика рассказов не ограничена, объем до одного печатного листа. Срок конкурса — до 1 января 1955 года. Лучшие рассказы будут напечатаны в журнале и выпущены отдельным сборником. Установлены премии: первая — семь тысяч рублей, две вторые — по четыре тысячи, три третьи — по две тысячи и четыре поощрительные премии — по одной тысяче рублей.

В состав жюри под председательством Л. Леонова вошли видные ученые и писатели.

Старейший латышский поэт-переводчик

РИГА. (Наш корр.). Литературная общественность Латвии отметила 70-летие со дня рождения Карла Крузы, старейшего поэта-переводчика. К. Круза написал несколько книг стихов.

Большую роль К. Круза сыграл в распространении в Латвии русской классической литературы. В те времена, когда буржуазные националисты, правившие Латвией, стремились размыть в латышском народе веру в великому русскому народу, К. Круза издал на собственные средства избранные стихотворения А. С. Пушкина в своем переводе.

Поэт продолжает активно участвовать в работе секции переводчиков.

Волкова. А не кажется ли вам, Юрий Николаевич, что вы вмешаетесь не в свое дело?

Наконец, в разговор вступает профессор Одинцов: «Варвара Алексеевна, я предлагаю выслушать...». Но здесь уж Подгорный не хочет говорить о сути дела...

Речь идет, разумеется, не о том, чтобы рассказывать в пьесе технологию предложения Подгорного, — это вовсе не требуется. Но обязательно знать — толковые вещи предлагает инженер или он действительно, «как ракушка, хочет присосаться к чужому изобретению».

Зачем же понадобилось писателю хранить в тайне ответ на этот вопрос до финальной сцены? Затем, что инженер пьесы. Представь себе, что знающий, деловой инженер Волков, умный секретарь райкома Черкасов, внимательная и чуткая Зоя Бондаренко убедились в том, что в предложении Подгорного есть рациональное зерно. Но логике своего характера Волков, например, стремился бы убедить жену в том, что она напрасно так упорно отвергает советы Подгорного, что для дела (а Волкова предана делу) необходимо испытать предложение инженера. И если верить тому, что муж и жена Волковы прожили всеобщащатель в дружной совместной работе, трудно предположить, что неприязнь Варвары к Подгорному помешала бы ей выслушать серьезные доводы мужа. А это значит — не состоялась бы личная драма в семье Волковых.

На это можно резонно возразить: Волков вовсе не цельный, не принципиальный человек. Обвинение в семейственности так действовало на директора, что он впал в истерику, забыл об интересах дела и заболтался только о сбережении своей репутации человека, чуждого семейственности. Пусть для этого жена — нужный рабчик человек — уходит с завода, пусть поймают она, наконец, что должна думать о его, Волкова, спокойствии. И действительно, в сценах размыслив супругов Волков выглядит таким истеричным халястиком. Но эти сцены приходят в рассмотрение противоречие с обликом Волкова в прошлом (о нем немало хорошего говорит жена, Черкасова) и, главное, с финалом пьесы.

Здесь, в финале, мы снова сталкиваемся с произволом писателя по отношению к героям. Если позиция Волкова — не более как припадочная неврастения, то это слишком медкий помет для разрыва супругов. Повлечению, Варвара ушла от мужа, ушла с завода, потому что в Волкове обнаружилась немотивованная ране, невинность ее черты труса и перестраховника. А раз так, то разрыв их носил серьезный, драматический характер. Нелегко узнать такое о лю-

бимом человеке, друге. И для того, чтобы муж и жена вновь обрели дружбу, взаимное доверие, чтобы они забыли то, что произошло между ними и зажили попрже, ему надо было пережить тяжелую душевную драму, а писателю — показать героев в критический момент их жизни.

Этого нет в пьесе. Следуя странной традиции, в силу которой в последней сцене все обязаны помирились, драматург легко и безболезненно возвращает Варвару в лоно семьи, и на сцене мы да благодарим урочные золотой медалью, полученной дочерью Волковых Лусей.

Как же все обошлось? Почему Варвара вдруг пошла свою ошибку в отношении Подгорного, почему она с такой легкостью простила мужа, почему решила все же уйти с завода? И кто такой Волков? Сильный человек или истеричка? Ничего мы этого не знаем, потому что автор слудал все карты, погнавшись против правды характеров им же созданных героев.

Видно, ощущая неправдливость сверхблагополучного финала, А. Софронов вошел в последнюю сцену такой эпизод: Волков и его заместитель Гололобов приходят в директорский дом и «метаются»:

Волков. ...Эх, Василий Васильевич... Жаль, что чудес не бывает! Вернувшись вот так домой, заставить Варю...

Гололобов. Сестр за стол да по маленькой...

Волков. И вдруг звонок — академик Зарайский приехал. Здравствуйте, говорит, все в порядке.

Гололобов. Варвара Алексеевна, ваше изобретение замечательно.

Волков. Приглашаю вас к себе в институт работать со мной. Здорово было бы, а, Василий Васильевич?

Гололобов. Здорово, конечно... Но не иридет. Они люди черствые, академики.

Но дело в том, что все именно так уже произошло... в соседней комнате: вернулся Варвара, приехал Зарайский, одобрил ее изобретение и пригласил к себе в институт. Значит, чудеса бывают! Но это только в пьесе, по желанию автора. — И неожиданно эпизод мечтаний Волкова оборачивается злой пародией на пьесу...

Впрочем, произвол автора сказывается не только в финале. Немалое место занимают в пьесе отношения Подгорного и инструктора райкома Зои Бондаренко. Зоя поручила разработать в пьесе Подгорного. В четвертой картине между ними происходит первый вполне деловой разговор на заводе. В пятой — Подгорный является к Бондаренко домой, говорит о деле и заодно объявляет, что любит ее. В шестой — Варвара Волкова без каких-либо видимых причин утвер-

ждает, что Зоя «неравнодушна к этому... Подгорному», а в седьмой — Зоя совершенно неожиданно сообщает Черкасову, что она, кажется, любит Подгорного. Как водится, в восьмой, последней картине Зоя и Подгорный — накануне счастливой свадьбы.

Но в любовь эту трудно поверить, потому что нигде ни словом, ни намеком не сказано о ее зарождении, о том, что же породило людей. Поэтому признание Подгорного воспринимается, как какое-то чудачество, а слова Зои о ее любви к Подгорному до того не подготовлены, неожиданны, что граничат с нелепостью.

Не удался А. Софронову и, повидимому, важный по замыслу образ секретаря райкома Черкасова. Создается такое впечатление, что он задол молодому инструктору Бондаренко школьный урок и со стороны смотрит, как-то она с ним справится. А сам Черкасов вовсе выключен из действия — он лишь изредка дает Зое многозначительно-умные указания, а главное, ловит рыбу или говорит какими-то рыболовными аллегориями. Чего стоит притча, рассказанная Черкасовым на рыбалке. Заканчивается эта притча так:

— Стел пор у нас снова мир и тишина. А шланга уплыла. Жаль, хороший был бриль — наш, украинский... И засанчик ушел...

Волков. Не в засанчике дело, Михаил Павлович.

Черкасов. Да, у вас, конечно, дело по-крупной!.. Но, между прочим, и в засанчике дело. Обидно, когда засанчик уходит...

Неужели не почувствовал писатель беспомощности черкасовских прибауток в разговоре с тяжело страдающим товарищем?

А Софронову присутию юмор, умение найти героя меткое словечко. В «Варваре Волковой» юмор пропал. Его заменяют вымученные, подчас невысоложенные остроты или реплики, претендующие на остроумие, самоубийство. И худо то, что в этих случаях особенно видны безысходные вымученные шипящие звуки. Драматург слишком часто использует нехитрый прием «подставки» для остроты, для якобы меткого слова. Вот Волков истерически восклицает: «Должен я хоть немного отключиться?» (от дала. — А. А.) Волкова ему в ответ: «Ежели ты из человека в иштеньел превратишься — отключайся, пожалуйста...».

Муж напоминает жене, что и для нее есть «как-то рамки», и тут же получает ответ Варвары: «И, к счастью, еще не портит». Он предлагает ей не переводить разговор «в семейную плоскость», — она вопрошает: «Для тебя семья уже становится плоскостью?». Если согласиться с тем, что речь выражает характер героя, то Вар-

вара Волкова предстает в глазах читателя совсем не такой, какой хотел ее видеть писатель.

Не удался пьесе А. Софронову. Примитивная схема заменила в ней подлинную жизнь — сложную и многообразную, населенную ее герои оказались упрощенными, условными фигурами.

В дни XIV пленума правления Союза советских писателей А. Софронов писал в «Литературной газете» о своем понимании совместной работы драматурга и театра над пьесой. В частности, он привел такой пример: «Работая с Малым театром над пьесой «Иначе жить нельзя», я чувствовал вынужденность заинтересованности всего творческого коллектива. Уже, казалось, пьеса была принята, напечатана в журнале, но театр добивался дальнейшего ее совершенствования. Так, в пьесе, особенно в первом ее варианте, были прямолинейные диалоги, которые не помогли созданию живых характеров, затрудняли работу актеров. Н. Комиссаров, играющий роль профессора Рейберга, произнес в четвертой картине довольно большой монолог. Когда начали репетировать, то оказалось, что монолог этот изложен тяжело. Н. Комиссаров обратился ко мне: «Напишите мне что-нибудь более человеческое». Я попросил актера: «Ну, скажите сами, что бы вы здесь, в этом месте, могли сказать, как профессор Рейберг?». И он, начав монолог словами из пьесы, закончил его своими. Мы записали, отредактировали, и это оказалось лучше, человеческое того, что у меня было вначале».

Надо обладать мужеством, чтобы так жестоко осудить свою работу. Но, возлагая чрезмерные надежды на помощь театра, А. Софронов принижает роль драматурга, утверждает право писателя писать в театр незавершенную пьесу. Это глубоко несправедливо зрячая точка зрения. Да и не в силах театр отправить неудачную пьесу. Так и случилась с «Варварой Волковой». Несмотря на то, что главные роли исполняют сильные, самоубийные актеры — В. Марцкая, Р. Плэтт, В. Серова и другие, спектакль Театра имени Моссовета (режиссер Н. Анисимова-Вулф) страдает теми же недостатками, что и пьеса. В спектакле есть отдельные живые сцены, но мелкость и надуманность основного фонда пьесы, неадекватность поступков героев лишают его жизненной убедительности и эмоциональной силы.

Л И Т Е Р А Т У Р Н А Я Г А З Е Т А

№ 55 Суббота, 8 мая 1954 г. 3

НЕДОЛГОВЕЧНАЯ ЛОЖЬ

1. СЕРЬЕЗНЫЙ УРОК

Если по прибытии в Женеву г-н Даллес нанес первый «визит богу», посетив церковь, то по возвращении в Вашингтон, бросив фоторепортерам заранее отработанную улыбку, он направился к президенту Эйзенхауэру. После беседы президент в осторожных, но не оставляющих сомнения выражениях заявил, что у него нет расхождений с политическим курсом Даллеса, а Даллес, по свидетельству газеты «Чикаго сан дай таймс», выразил мнение, что «индо-китайская проблема будет разрешена в Вашингтоне, а не в Женеве».

На одну треть заявление государственного секретаря США является несомненным блефом, попыткой сделать хорошую мину при неудавшейся игре. Г-н Даллес лягает по рукам, о которую ушибся. Заносчивость этого заявления свидетельствует также о том, что г-н Даллес попрежнему представляет западных союзников, в том числе Англию и Францию, упрямкой, над которой он может размахивать кулаком.

На пресс-конференции 5 мая Эйзенхауэр заявил, что «система безопасности» в Азии находится «в процессе создания». Упорные попытки США сколотить агрессивный пакт для Юго-Восточной Азии вызывают тревогу среди западных общественных кругов еще и потому, что за согласованием «системы безопасности» в Азии они чувствуют стремление форсировать сейчас агрессивные соглашения в других районах земного шара, ускорить создание «европейского оборонительного сообщества». В доверительной беседе один западногерманский журналист, которого отнюдь нельзя упрекнуть в симпатии к прогрессивным идеям времени, но не лишены чувства реального, сказал:

«Мы очень внимательно присматриваемся к тому, как решаются корейская и индо-китайская проблемы. Всякое положительное решение, с нашей точки зрения, открыло бы путь для мирного объединения Германии и для устранения опасного напряжения в Европе... За «коллективными усилиями» американцев нам видятся атомные и водородные взрывы, которые угрожают самому существованию немецкой нации».

Приблизительно такая же мысль высказала и представительница другой страны, находящейся на противоположном конце материка, — журналистка Японии. Она сказала, что после появления фильма «Дети Хиросимы», созданного прогрессивными организациями и рассказывающего об атомном взрыве в Японии, в самых различных японских кругах растет движение против перспективы применения атомного оружия, против милитаризации.

Американские пакты, блок и системы, как о том начинают говорить здравомыслящие люди даже на Западе, практически являются инструментами укрепления колониализма в Азии и приспособленной к условиям двадцатого века формой колониализма Европы. Разговоры о свободе, человечности и гуманизме — это всего лишь маскировочные цветочки и ленточки на машине порабощения и агрессии.

Существеннейшей частью этой машины, помимо проекта «коллективной безопасности» в Азии, является «европейское оборонительное сообщество». После того, как на границах Франции и перед лицом Англии вырастает штыки аденauerовского вермахта, говорить о самостоятельности этих стран можно будет только в порядке иронии. Тем более странно, что они до настоящего времени не ответили на советский проект «Общевосточного договора»

о коллективной безопасности в Европе. Только такой договор действительно разрядил бы напряжение в мире и в Европе, открыл бы широкие каналы для экономического сотрудничества и торговли, в чем Англия и Франция, в частности, почувствуют завтра еще большую необходимость, чем сегодня. «План Маршалла» стер до крови шею экономике этих стран, а сконструированные в Вашингтоне пакты и договоры принуждают ее до земли бременем вооружений. Как писал в своей книге английский публицист Филип Болсвер, американские займы на вооружение уходят независимо, а приводят американских надсмотрщиков и обнищание стран.

Даллес снова пытается сесть в седло старой «политики с позиции силы», снова пытается выкормить двух недопосков — «европейское оборонительное сообщество» и план «коллективной безопасности в Азии».

Здравомыслящие круги Европы возлагают в последние недели серьезные надежды на способность англичан оказать серьезное сопротивление Даллесу. Сейчас они пристально присматриваются ко всему, что происходит за стенами зала заседаний. Эти круги все более осознают значение предложенной Советского Союза о подлинной коллективной безопасности в Европе и с надеждой ожидают положительных решений по индо-китайской проблеме. Страна, которая помогает этому процессу, неизбежно обретет себя на общественной изоляции. Урок, полученный Даллесом в Женеве, слишком многозначителен, чтобы его можно было не принимать во внимание!

2. ЛЕЯТ УТКИ...

В пятницу, перед очередным заседанием Женевского совещания, со страниц западной печати полетели американские газетные утки в французском оперении. Новая американо-французская провокация превосходит все предыдущие как по своим масштабам, так и по планам.

Правительство Ланьель, которое Бидо представляет на Женевском совещании, оказалось, как известно, в шатком положении перед сессией Национального собрания Франции. Шаткость эта была предопределена тем, что в вопросе об Индо-Китае французская делегация в Женеве больше занималась маневрированием, чем поисками положительных решений, больше заботилась о том, как услужить Даллесу, чем о том, чтобы добиться перемирия в Индо-Китае и спасти от гибели французских солдат. В канун сессии Национального собрания, опасаясь того, что депутаты выразят недоверие правительству и оно «свалится», французская делегация в Женеве начала исполнять, но усиленно распространяя слухи о том, что французы ведут переговоры с представителем Хо Ши Мина и китайской делегацией по вопросу о перемирии и эвакуации раненых. Госпожа Бидо даже занялась делами Красного Креста, чтобы облегчить эвакуацию раненых из Индо-Китае. Премьер Франции Ланьель, заявив «об изменении положения в Индо-Китае», сказал, в частности: «Франция никогда не отрицала принципов переговоров с Хо Ши Мином... Я жду еще контрпредложений Хо Ши Мина». Этим заявлением создавалось впечатление, что французское правительство ищет путей для переговоров с Демократической Республикой Вьетнам. И Ланьель в Париже, и Бидо в Женеве делали вид, что проблема эвакуации раненых вот-вот будет решена. Это был козырь правительства при голосовании вотума доверия.

В четверг, к моменту голосования, надежды на положительный результат переговоров были еще более подогреты французской делегацией: в пресс-центре в Женеве французская делегация в Женеве, которая полагалась на получение добрых вестей. Журналисты были ошарашены, они потеряли зря время на ожидание. Конференция не состоялась. Наутро швейцарская газета «Ла Сюэсс», парижская «Франс-суар» и некоторые другие опубликовали сообщение о том, что «коммунисты» отклонили просьбу французов о перемирии под Дьен-Бьен-Фу с целью эвакуации раненых. Вину за это полагали возложить на китайскую делегацию. «Ла Сюэсс» при этом ссылалась на сообщение агентства Юнайтед Пресс, полученное из французского источника.

Таким образом, после того, как правительство уцелело, была совершена попытка одной грязью покрыть другую. Какова цель этих инсинуаций? Во-первых, поплакать в жалеть общественного мнения о раненых, чтобы сыскать оправдание своей трусливой политике, болтающейся, как в магнитном поле, между страхом перед французским народом и приказами из Вашингтона. Во-вторых, подобострастное желание угодить Даллесу, который старается доказать, будто «никакие переговоры с коммунистами невозможны», — доказать для того, чтобы расширить войну в Индо-Китае. В конечном счете, чем бы это ни прикрывалось, создается впечатление, что французская делегация пытается тащить в тупик переговоры об Индо-Китае. Если в результате подобных маневров французская делегация в Женеве окажется в еще более трудном положении, ей не на кого пенять: как говорится в пословице, сама себя жанка бьет, что нечисто жено!

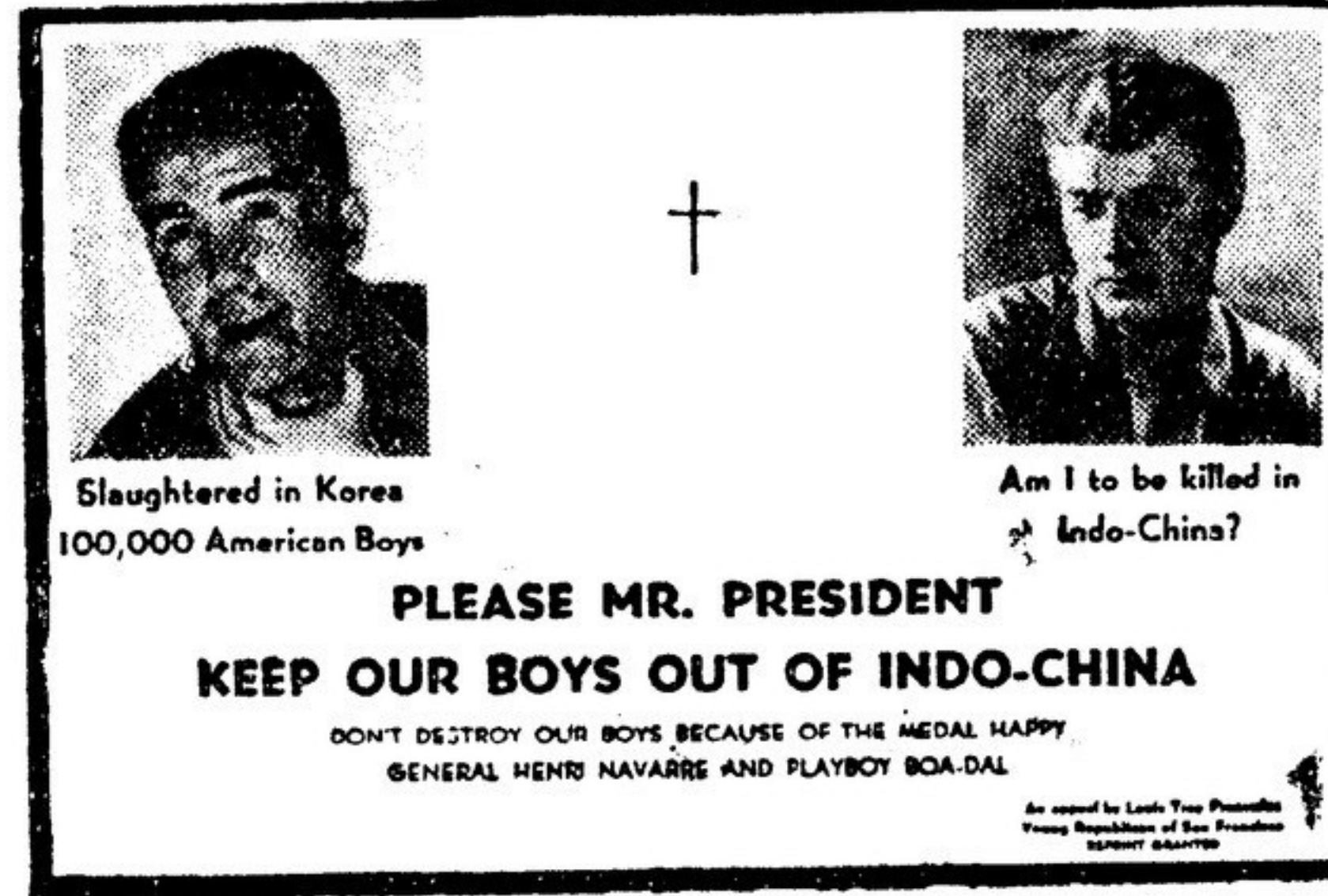
В конце концов, всякая ложь недолговечна. На состоявшейся в пятницу, в середине дня, советской пресс-конференции представителям прессы были сообщены сведения, которые начисто обрубают французские перья с американской утки. Как же обстоит дело?

В четверг представитель французской делегации, по его просьбе, встретился с представителем китайской делегации. Представитель китайской делегации заявил, что китайская делегация благожелательно относится к тому, чтобы вопрос о эвакуации раненых из-под Дьен-Бьен-Фу решался быстро, что этот вопрос следовало бы обсудить на совещании в пятницу, то есть на завтрашний день. Однако французская делегация заботилась о раненых только в пропагандистских целях, а на деле не проявила внимания к китайскому предложению о быстрейшем решении проблемы. Вечером в четверг делегация Франции, Англии и США сообщила, что они предлагают перенести обсуждение индо-китайского вопроса на субботу или понедельник.

После этого стало ясно, кто в действительности затягивает решение о перемирии и эвакуации раненых. Французское общественное мнение было дважды обмануто: закусилыми махинациями г-на Бидо. Одна из газет сообщила, что «гений Даллеса присутствует в Женеве». Очевидно, в этой тени и делается французская политика.

Помимо тактической, у всех подобного рода махинаций есть и «стратегическая» цель. Она заключается в том, что государственный секретарь США старается всецело затормозить урегулирование на Женевском совещании, чтобы за это время подготовить почву для пресловутого «западного НАТО». Мышеловка Даллеса открыта — попадется ли в нее французы и англичане?

Н. ГРИБАЧЕВ,
специальный корреспондент
«Литературной газеты»
ЖЕНЕВА, 7 мая. (По телеграфу).

КРАСНОРЕЧИВОЕ ПОСЛАНИЕ ПРЕЗИДЕНТУ

ЖЕНЕВА, 7 мая. (От нашего спец. корр.). Правительство США продолжает попытки расширить войну в Индо-Китае. А что думает об этом американский народ?

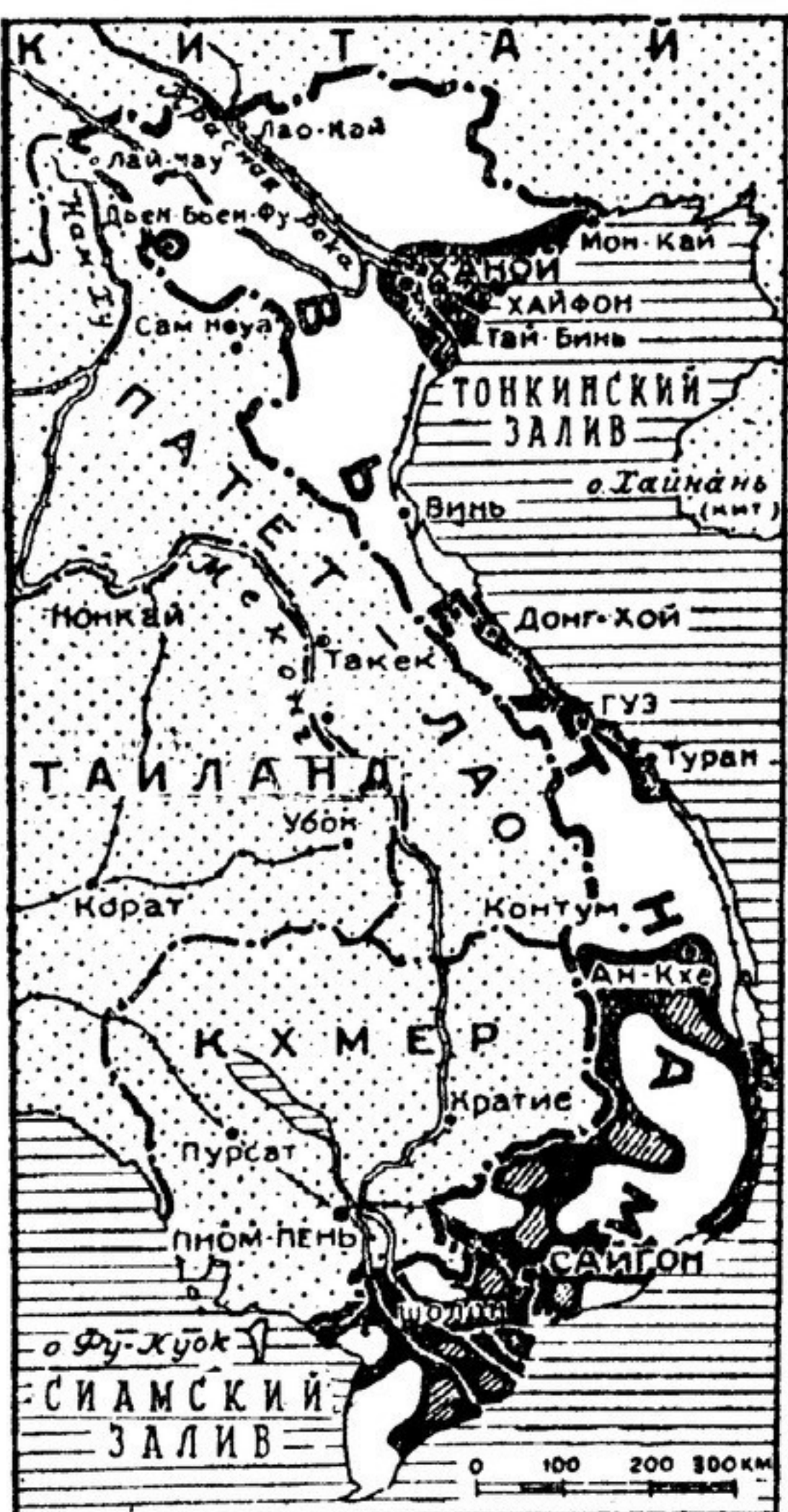
В Женеве советские журналисты получили из Сан-Франциско фотографии, проливающие яркий свет на настроения молодых американцев. Обращаясь к президенту США, Лунс Триу Преволос, приславший фотографии (справа) пишет: «Пожалуйста, не посылайте наших ребят в Индо-Китай! Не обрекайте наших ребят на смерть ради помешательства на медали генерала Анри Наварра и заплыва Бво Дая».

На фотографии два портрета: под портретом слева — подпись: «В Корею убито 100.000 американских ребят»; под портретом справа: «Неужели я должен быть убит в Индо-Китае? В правом нижнем углу: «Призыв президента! Пожалуйста, не посылайте наших ребят в Индо-Китай! Не обрекайте наших ребят на смерть ради помешательства на медали генерала Анри Наварра и заплыва Бво Дая».

На снимке справа — оборотная сторона фотографии; на ней — почтовая марка со штемпелем Сан-Франциско и датой 2 мая 1954, а также адрес: Советской службе печати, Женевская конференция, Женеве.

Показателем, что молодой американец обращается непосредственно в Женеву, как видно, не питая особых надежд быть услышанным своим президентом.

К падению Дьен-Бьен-Фу

Незаштрихованная часть — освобожденная территория, заштрихованная — районы партизанского движения, черными точками — места, удерживаемые французскими войсками.

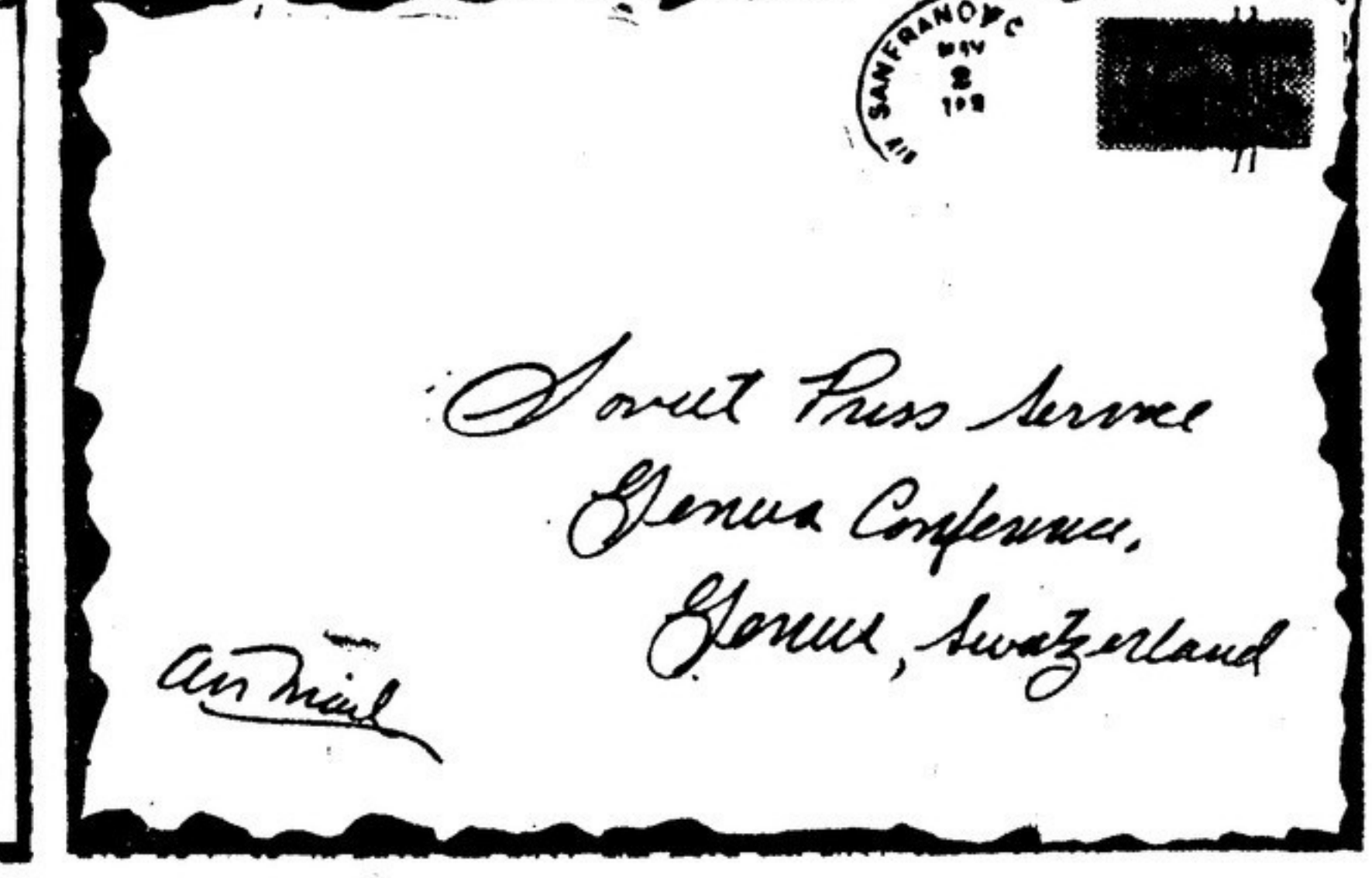
Телеграф принес короткое сообщение — падение Дьен-Бьен-Фу. Это название, еще недавно почти никому не известное, два месяца со страниц мировых печатей. Два месяца с перерывами длилось сражение за укрепленную крепость, где выстояла Народная армия окружившая значительную часть французского экспедиционного корпуса в Индо-Китае. Как сообщала в свое время иностранная пресса, в кодыю окружения попали 13 тысяч солдат и офицеров.

Падение Дьен-Бьен-Фу — еще одно наглядное свидетельство безнадзорного положения французского экспедиционного корпуса в Индо-Китае, терпящего одно поражение за другим. Как известно, еще осенью прошлого года колониальные войска начали осуществлять во Вьетнаме широко разрекламированные операции, которые проводились по плану, разработанному главнокомандующим этими войсками в Индо-Китае Наварром и одобренному в Вашингтоне. Этот план предусматривал «военную победу» в кратчайший срок. Однако очень скоро стало очевидно, что он терпит крах. Отбив атаку врага, Народная армия, мужественно отстаивая свободу и независимость народов Индо-Китае, в декабре сама перешла в решительное наступление в Северо-Западном Вьетнаме. Уже 11 декабря войска колонизаторов вынуждены были оставить здесь укрепленный пункт Лай-Чау и начать отход к Дьен-Бьен-Фу.

Вскоре Народная армия полностью завершила освобождение всего Северо-Западного Вьетнама. В руках колониальных войска оставалась только Дьен-Бьен-Фу, за который, начиная с 13 марта, и развернулись решительные сражения.

Реакционные круги во Франции и особенно агрессивные силы США возлагали большие надежды на Дьен-Бьен-Фу. Однако окруженные здесь войска терпели один укрепленный пункт за другим.

Вчера французское верховное командование в Ханое сообщило, что в ночь с 6 на 7 мая Народная армия начала ожесточенную атаку с различных направлений на центральный укрепленный лагерь Дьен-Бьен-Фу. Он был взят войсками Демократической Республики Вьетнам после 20 часов непрерывных боев.

Жильбер ГРАЦИАН,
французский поэт

Кровь французов не продается

◇ ◇

Активно вмешиваясь в индо-китайские дела, США оказывают Франции долларную «помощь» на ведение войны. Одна из таких «субсидий» в размере 385 миллионов долларов была выдана осенью 1953 года. В связи с этим газета «Юманите» писала в статье «Кровь за доллар», что эта новая долларная подкачка «закрепляет роль Франции как поставщика наемников».

Составители комиссии об этом ином франко-американском соглашении, отменила газета, даже не потрудилась скрыть, что условия обмена предусматривают, с одной стороны, доллары, а с другой, — жизнь французских, алжирских, марокканских солдат.

Вместе с ельство США в войну в Индо-Китае вызывает протест самых широких слоев французского народа, требующего прекращения «грязной» войны. В стихах поэта Жильбера Грациана, опубликованных 15 апреля в газете «Леттр Франсез», отражены эти настроения широких масс французского народа.

Не пахнут деньги, но та кровь, что льется и тело жжет, когда металл в живую плоть вопьется и красный рот откроет рана на груди солдата, и с криком он на землю рухнет, грохотом гранаты сбьет с ног и оглушит, та кровь, которая течет во время битвы вдоль рисовых полей, та кровь, где смешаны последние молитвы с рыданием матерей, та кровь, что прочь бежит из недр живого тела, прощаясь с теплотой, и застывает коркой почерневой, — у крови той, пролитой в час позорного сраженья, есть запах, — это запах тленья...

Не пахнут деньги, но та кровь живая, что в нас бежит и, неизменный путь свой совершая, в себе таит источник силы и любви к отчизне, — та кровь полна цветением жизни, и дышанье жизни несет она. И мы ни капли этой крови красной врагам своим за доллары, за франки, за пиастры не продадим. Все золото Америки — не боле, чем горсть песка, когда дельцы хотят купить у Франции надежду, честь и волю и кровь солдат!

Перевел с французского Н. РАЗГОВОРОВ

АДВОКАТЫ ДЬЯВОЛА

Недавно в Западной Германии вышла брошюра некоего Эдмунда Герберта под названием «Мы оправдываем Гитлера». Не подумайте, что это ирония. Автор брошюры, действительно, пытается оправдать разбойничью внутреннюю и внешнюю политику бесноватого «фюрера», повести по ней, так сказать, «теоретическую базу» и тем самым обосновать гитлеровские захваты. Сделано все это с таким предельным цинизмом, настолько нагло и крикливо, что бросается в глаза даже на фоне той разнузданной пропаганды агрессии и реванша, которая изо дня в день ведется в боннском «рейхе».

Повторяя гитлеровские зады, Эдмунд Герберт утверждает, что на всем протяжении истории — от периода существования германских племен до нашего времени — «геополитическое положение» Германии определяло ее политику. «То живет в центре пересечения стремлений, возникающих на континенте, — пишет он, — тот не может обойтись без таких качеств, как боевая готовность». Знакомые мотивы! Именно под флагом борьбы за так называемое «жизненное пространство» начинали, как известно, гитлеровцы свои военные авантюры в Европе.

Впрочем, исторические экскурсы автора реваншистской брошюры нужны ему лишь для того, чтобы оправдать нынешнюю политику Аденауэра и его клики. Эти рассуждения обращены отнюдь не только и не столько в прошлое, сколько в настоящее и будущее. Боннские последователи Гитлера планируют теперь под покровительством международной реакции новую агрессию. Зачем же обвинять Гитлера в совершенных им преступлениях? Наоборот, Эдмунд Герберт, вновь предлагая затасканные реценты «борьбы против большевизма», убеждает своих новых союзников действовать так же, как действовали гитлеровцы. При этом он делает некоторые знаменательные признания. Западные державы, говорится в книге, считали в свое время фашистской пропагандой внешне немецким солдатам мысли, что они борются против большевистского угрозы, а «через несколько лет под другим соусом соблазняют той же целью молодое поколение европейских народов, в том числе и тех людей, кого климели как военных преступников, преследовали и заключали в тюрьмы».

Материй фашист — автор брошюры — приводит слова военного преступника Олендорфа на Нюрнбергском процессе в ответ на обвинение в зверском обращении с русскими партизанами, заявившего, что «в случае войны США будут вынуждены применить еще более жестокие методы». «Через два года началась война в Корею, — пишет Эдмунд Герберт. — Поступившие отсюда сообщения подтверждают эти слова».

Доказав таким образом общность целей и единомыслие гитлеровцев и американских реакционеров, автор брошюры подчёр-

кивает, как и делали в свое время его гитлеровские предшественники, что немецкий вермахт обратил оружие на Восток. По политическим причинам он умалчивает о том, чем кончилась в свое время для западных держав политика попустительского агрессивной и попытка «канализировать» ее на Востоке...

Для вящей убедительности он представляет слово для оправдания «самоу» Гитлеру. В рассуждениях, вложенных ему в уста на воображаемом судебном процессе, можно обнаружить основную пропагандистскую идею, ради которой нагорючена вся ата фашистская галimatия. В брошюре утверждается, что Гитлер вел политическую борьбу за Германскую империю, «которая была одновременно и борьбой за Европу». Иными словами, и теперь, если будет создан агрессивный немецкий вермахт в составе «европейской армии», он будет выполнять ту же миссию. «Чего нам не хватает, — цинично заявляет автор, — так это признания того, что мы поднимали тогда против угрозы, которая теперь должна стать очевидной для каждого».

Вся эта отвратительная пропаганда фашизма заканчивается призывом автора — продолжать дело Гитлера. Он прямо говорит о том, что «европейское оборонительное сообщество» будет представлять собой «антикоммунистический блок». Он поет дифирамбы Аденауэру, как наиболее ответственному поборнику этого «сообщества», и предлагает, не теряя времени, «собирать силы». В качестве союзников солдатам «европейской армии» он предлагает отпетых гитлеровцев, тех самых фашистских людовоев, которые истребили миллионы людей в Европе. Пересмотреть приговоры военным преступникам, выпустить их на свободу, восстановить германский рейх в границах 1938 года, возродить германский вермахт — такова программа Эдмунда Герберта, излагаемая сокровенные мечты боннских последователей Гитлера. «Способствуйте вооружению Германии! На чей стороне мы выступим в решающий момент, мы сами знаем лучше всех», — истощно вопит он.

Но кое у каких читателей на Западе при чтении этой брошюры невольно возникнут неясные мысли. Накануне второй мировой войны Гитлер и его сообщники так же истощно вопили о походе на Восток, между тем, фашистские бомбы обрушились и на Лондон и на Люверн, а сапоги гитлеровцев топтали французскую землю.

Что же касается тех, на кого рассчитана эта брошюра внутри Западной Германии, то им не мешало бы вспомнить, каким сокрушительным разгромом фашистской Германии под ударами Советской Армии закончились военные походы «фюрера» девять лет назад.

А. Б.

Главный редактор Б. РЮРИКОВ. Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Г. ГУЛИА, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОТЕВ, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), А. КРИВИЦКИЙ, В. ОЗЕРОВ (зам. главного редактора), К. ПАУСТОВСКИЙ, Н. ПОГОДИН, С. СМЕРНОВ.

Настроения в Париже

Во вторник французский парламент возобновил свою работу. Естественно, в центре внимания политических кругов и всех тех, кто внимательно следит за событиями, находится индо-китайская проблема и Женевское совещание.

Накануне вечером состоялось продолжительное заседание совета министров. В течение около четырех часов члены правительства обсуждали вопросы, связанные с возобновлением работы Национального собрания. Совет министров решил выступить против обсуждения внесенных некоторыми депутатами интерелляций, о которых говорилось в нашей предыдущей корреспонденции. На следующий день, выступая в парламенте, Ланьель от имени правительства предложил начать это обсуждение сразу же после Женевского совещания. Очевидно, правящие круги серьезным образом опасались, что в нынешних условиях большинство депутатов, уча в уроки первой недели Женевского совещания, решительно высказается за немедленное прекращение огня в Индо-Китае. Эти опасения были вполне обоснованы. На заседании парламента можно было услышать депутата Жака Барду, владельца рудников в Тонкине, восклицавшего: «Нельзя позволить, чтобы был убит хотя бы еще один человек». И что показательно, ни один из депутатов не поднялся в защиту Бидо.

В самом деле, куда и ни к кому сейчас не уйти от такого факта: заседания парламента начались в обстановке определенных успехов, достигнутых силами мира в первые дни Женевского совещания, и связанного с этим поражения американской дипломатии.

Весьма показательны в этом отношении высказывания французского печатей. В понедельник Шарль Ронкас писал в газете «Фран-тивер»: «Джон Фостер Даллес возвращается в Вашингтон, потерпев самое крупное поражение за всю свою карьеру». Дель суэты «Комба» посвятивала возвращению домой государственного секретаря США передовую статью, озаглавленную «Прода-

ние с Даллесом». Автор этой статьи пишет: «Поскольку совещание в Женеве ставит своей целью поиски мирного разрешения проблем, Даллесу там нечего было делать. Поэтому он уезжает».

Статья заканчивается словами: «Что бы ни говорил вам Жорж Бидо, каковы бы ни были надежды, которые он сумел вам внушить, но для Франции век крестовых походов давно прошел. Мы говорим вам, господин Даллес, не «до свидания», а «прощайте»».

Подобные красноречивые высказывания показывают: французская печать дает все более реальную картину сдвигов, происходящих в известных политических кругах под давлением широкого общественного мнения. Подавляющее большинство французских требует прекращения войны в Индо-Китае и успешного завершения совещания в Женеве. 6 мая газета «Комба» писала в передовой: «Вся Франция сознает ныне, каким нагромождением ошибок была до сих пор внешняя политика ее правительства». В разной степени газеты отражают опасения общественности перед тем, что Франция может оказаться втянутой американским империализмом в новую, еще более бесперспективную и кровавую авантюру.

Согласно некоторым сообщениям, в самом правительстве раздается голоса в поддержку требований о немедленном прекращении

Государственный секретарь США Даллес всецело пытается помешать успеху Женевского совещания, призванного потушить пламя войны в Индо-Китае.

Что хотел бы сделать Даллес. Рисунок из венгерской газеты «Сабал неп».

Андре КАРРЕЛЬ,
французский журналист
ПАРИЖ, 7 мая. (По телеграфу)

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: по вторникам, четвергам и субботам.

Адрес редакции и издательства: Москва И-51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм — Москва — Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62, разделы: литературы и искусства — К 4-02-29, внутренней жизни — К 4-08-89, К 4-72-88, международной жизни — К 4-03-48, науки — Б 3-27-54, отдел информации — К 4-08-69, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммутатор — К 5-00-00.

Типография «Литературной газеты», Москва И-51, Цветной бульвар, 30.